

Заключение специалиста № СЭ-177/22

в форме научно-методической рецензии
на заключение эксперта М. Н. Савосиной № СЭЦ-113/6/157л/22 от 17/VIII-2022
по материалам уголовного дела № 12202007703000788

г. Санкт-Петербург

«15» сентября 2022 г.

Время производства рецензирования:

Исследование начато 12 сентября 2022 г. в 18 часов 00 минут.

Исследование окончено 15 сентября 2022 г. в 19 часов 45 минут.

Место производства рецензирования: Санкт-Петербург, Придорожная аллея, д. 31, кв. 15.

Основание производства рецензирования: обращение адвоката М. О. Эйсмонт, являющейся защитником обвиняемого И. В. Яшина по уголовному делу № 12202007703000788 по обвинению в совершении преступления, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 207³ УК РФ, находящемуся в производстве отдела по расследованию киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологий управления по расследованию отдельных видов преступлений Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации.

Сведения о специалисте: Жарков Игорь Вениаминович — начальник научно-методического отдела РОО «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам» (ГЛЭДИС), образование высшее филологическое (лингвист — специалист по структурной и прикладной лингвистике, со знанием английского языка, диплом с отличием РВ № 579491), кандидат филологических наук (специальность «10.02.21 — Структурная, прикладная и математическая лингвистика», диплом кандидата филологических наук КТ №017433), стаж работы по специальности — 32 года, стаж научной деятельности — 35 лет, стаж судебно-экспертной деятельности с 2002 г.; действительный член ГЛЭДИС, член правления ГЛЭДИС, свидетельство эксперта № 021-20/36-сэ от 10/I-2020, выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 10 января 2020 г., протокол № 11; является одним из авторов методических рекомендаций по вопросам лингвистической экспертизы: Ю. А. Бельчиков, М. В. Горбаневский, И. В. Жарков. *Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. Сборник материалов.* — М.: ИПК «Информкнига», 2010 (**издание подготовлено по заказу Роскомнадзора, рекомендовано к применению** в практике производства исследований Методическими рекомендациями по организации и проведению государственного контроля и надзора за соблюдением законодательства РФ о СМИ, утвержденными распоряжением Роскомнадзора № 21 от 29/VI-2012); имеет благодарность Председателя Суда по интеллектуальным правам.

В распоряжение специалиста для производства рецензирования предоставлены (в электронных фотокопиях) следующие **материалы уголовного дела** № 12202007703000788, находящегося в производстве отдела по расследованию киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологий управления по расследованию отдельных видов преступлений Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации:

- **постановление о возбуждении уголовного дела** по признакам преступления, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 207³ УК РФ, вынесенное 12/VII-2022 руководителем Главного следственного управления

- Следственного комитета Российской Федерации генерал-лейтенантом юстиции Д. В. Колесниковым в отношении И. В. Яшина (2 с.);
- **рапорт** следователя по особо важным делам Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации капитана юстиции А. Ю. Пахомова от **12/VII-2022**, адресованный **руководителю отдела** по расследованию киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологий управления по расследованию отдельных видов преступлений Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации полковнику юстиции К. П. Комарде (1 с.), с **приложением распечатки** текста **«Минобороны России опровергает обвинения киевского режима в якобы убийстве мирных жителей в населенном пункте Буча Киевской области»**, снабженного знаком охраны авторского права Министерства обороны Российской Федерации, размещенного, согласно информации, содержащейся в указанном рапорте, 03/IV-2022 в 17⁵⁰ в глобальной информационно-телекоммуникационной сети общего пользования Интернет на официальном сайте Минобороны РФ по адресу https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12415918@egNews (1 с.);
  - **акт осмотра интернет-ресурса** за 11/VII-2022, составленный ст. о/у 5 отдела ЦПЭ ГУ МВД России по г. Москве подполковником полиции И. С. Кучеровым (8 с.);
  - **постановление о назначении** лингвистической судебной экспертизы, вынесенное 20/VII-2022 следователем по особо важным делам Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации капитаном юстиции А. Ю. Пахомовым (2 с.);
  - **заключение эксперта М. Н. Савосиной № СЭЦ-113/6/157л/22** от 17/VIII-2022 (18 с.);
  - **протокол допроса эксперта М. Н. Савосиной**, составленный 30/VIII-2022 следователем по особо важным делам Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации капитаном юстиции А. Ю. Пахомовым (2 с.).

Перед специалистом поставлены следующие вопросы (в форме подлежащих решению задач):

- дать специальную оценку (лингвистическую и с точки зрения теории судебно-экспертной деятельности) обоснованности выводов эксперта М. Н. Савосиной, представленных в заключении эксперта № СЭЦ-113/6/157л/22 от 17/VIII-2022;
- дать специальную оценку (лингвистическую и с точки зрения теории судебно-экспертной деятельности) достоверности выводов эксперта М. Н. Савосиной, представленных в заключении эксперта № СЭЦ-113/6/157л/22 от 17/VIII-2022;
- дать специальную оценку (лингвистическую и с точки зрения теории судебно-экспертной деятельности) соответствия представленного заключения эксперта М. Н. Савосиной № СЭЦ-113/6/157л/22 от 17/VIII-2022 требованиям, предъявляемым к документам подобного рода.

Настоящее заключение отражает результаты **лингвистического экспертного исследования текста заключения эксперта № СЭЦ-113/6/157л/22 от 17/VIII-2022**, единолично составленного экспертом М. Н. Савосиной, являющегося в настоящее время частью материалов уголовного дела.

Настоящее заключение составлено **в форме научно-методической рецензии** на экспертное заключение, содержит описание хода и результатов **исследований, проведенных в отношении специального текста** (текста экспертного заключения), выражает специальную **научную** (лингвистическую и с точки зрения теории судебно-экспертной деятельности) и **методическую оценку** формы и содержания указанного экспертного заключения, включающего в себя совокупность специальных суждений эксперта М. Н. Савосиной.

Поскольку основанием для производства настоящего исследования является адвокатский запрос, процессуальный статус настоящего заключения может быть определен как **заключение специалиста**. Как и заключение эксперта, заключение специалиста отражает результаты исследований, относящихся к особому виду деятельности, регламентируемому процессуальным законодательством и специальными законодательными актами, — к судебной-экспертной деятельности. Заключение специалиста содержательно относится к тому же жанру, что и заключение эксперта, и совпадает с ним по большинству параметров, **рассматривается в теории судебной экспертизы как часть судебной-экспертной деятельности**. Глубокий анализ системных свойств так называемой внесудебной, или досудебной экспертизы как части судебной-экспертной деятельности можно найти в монографии д. ю. н. С. А. Смирновой, в настоящее время — руководителя Российского федерального центра судебной экспертизы Министерства юстиции РФ, «Судебная экспертиза на рубеже XXI века». Как убедительно показано в этой работе (с. 32–35), внесудебная экспертиза органично включена в деятельность судебных-экспертных учреждений, а также в правоохранительную деятельность государства, заключения специалистов составляют значительную долю в общем объеме продукции экспертного учреждения и имеют ту же цель, что и государственная судебная-экспертная деятельность, — установление доказательственных фактов с помощью специальных знаний; при последующем возбуждении судебных производств проведенные экспертные исследования, по результатам которых составляются заключения специалистов, на практике не отвергаются правоохранительными органами и судами, а признаются источниками судебных доказательств; внесудебные экспертизы, выполняющиеся в государственных судебных-экспертных учреждениях, как правило, проводятся и оформляются по правилам, установленным для государственной судебной-экспертной деятельности, в русле принципов и традиций этой деятельности, при этом в качестве основы проведения таких исследований принимаются методики судебного-экспертного исследования. Нельзя недооценивать место и роль внесудебных экспертиз в общей структуре судебной-экспертной деятельности и рассматривать их как некую постороннюю деятельность. Следует заметить также, что как в гражданском, так и в уголовном процессе предусмотрен особый статус специалиста — лица, которое обладает специальными познаниями и применяет их в практике судопроизводства, в том числе в форме внесудебных экспертных исследований.

Объектом исследования, по результатам которого составлено настоящее заключение, является специальный (в частности, содержащий специальные суждения, относящиеся к области лингвистики, излагаемые с использованием терминов указанной предметной области) текст представленного заключения эксперта № 112ТФ от 23/ХІІ-2019, составленного экспертом М. Н. Савосиной, — документа в жанре экспертных заключений, приобщенного к материалам данного уголовного дела.

Из содержания обращения адвоката М. О. Эйсмонт, являющегося основанием для производства рецензирования, вытекает, что представленное заключение эксперта № СЭЦ-113/6/157л/22 от 17/VIII-2022, составленное по результатам лингвистической судебной экспертизы, проведенной по данному уголовному делу единолично экспертом М. Н. Савосиной, **имеет в данном уголовном деле статус спорного**: защитой ставится под сомнение обоснованность и достоверность выводов эксперта, а также соответствие текста указанного заключения эксперта требованиям, предъявляемым к документам подобного рода. Соответственно, текст указанного заключения эксперта М. Н. Савосиной рассматривается специалистом как спорный материал, не получивший в данное время оценки, которая была бы зафиксирована в каком-либо судебном акте, вступившем в законную силу.

Научная и методическая литература:

1. Ю. А. Бельчиков, М. В. Горбаневский, И. В. Жарков. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. Сборник материалов. — М.: ИПК «Информкнига», 2010. (Издание подготовлено по заказу Роскомнадзора).

2. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — 2е изд., испр. и доп. — М.: Юридический Мир, 2006.
3. Смирнова С.А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века. 2-е издание. — СПб.: ПИТЕР, 2004.
4. Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». — М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002.
5. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. — М.: Норма, 2005.
6. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. — М.: Норма, 2006.
7. Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения. М.: Стэнси, 2003.
8. Судебно-экспертное исследование вещественных доказательств. — М.: Амалфея, 2003.
9. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». / Под ред. В.П. Кашепова. — М., 2003.
10. Комментарий к законодательству о судебной экспертизе. Уголовное, гражданское, арбитражное судопроизводство. — М.: Норма, 2004.
11. Теория и практика судебной экспертизы в гражданском и арбитражном процессе. Научно-практическое пособие./Под ред. д.ю.н, проф.Россинской Е.Р. - Москва, 2006.
12. Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — М.: Престиж, 2005 г.;
13. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — М.: Медея, 2004;
14. Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Сборник материалов научно-практического семинара. Москва 7-8 декабря 2002 г. /Под ред. проф. М.В. Горбаневского. В двух частях. — М.: Галерея, 2002-2003;
15. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. //Под ред. проф. М.В. Горбаневского — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Галерея, 2002.
16. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001.
17. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2007.
18. Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. — М.: Проспект, 2010.
19. Галяшина Е., Горбаневский М., Стернин И. Лингвистические признаки диффамации в теории и практике судебных лингвистических экспертиз. //Взгляд. Ежеквартальный аналитический бюллетень. ФЗГ, 1(6)/2005, с.24-40.
20. Леонарди Д. Анализ диффамационного законодательства: разграничение между утверждением о факте и выражением мнения. //Взгляд. Ежеквартальный аналитический бюллетень. ФЗГ, 1(6)/2005, с.40-65.
21. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Под ред. А. К. Симонова и М. В. Горбаневского. — М.: Медея, 2004.
22. К. И. Бринев. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. — Барнаул: АлтГПА, 2009.

23. Сводный словарь современной русской лексики: В 2 т./ АН СССР. Ин-т рус. яз.; Под ред. Р. П. Рогожниковой. — М.: Рус. яз., 1991.
24. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складневской. — М.: Эксмо, 2006.
25. Толковый словарь русского языка: в 4 т./ Под ред. Д. Н. Ушакова. - М.: ТЕРРА, 1996.
26. С. А. Кузнецов. Современный толковый словарь русского языка. — СПб.: Норинт, 2002.
27. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М., 1997.
28. Т. Ф. Ефремова. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — 2-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 2001.
29. Большой толковый словарь русского языка. / Под ред. С. А. Кузнецова — СПб.: НОРИНТ, 2004.
30. А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. — 2-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1980.
31. Т. Ф. Ефремова. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. — 2-е изд., испр. — М.: АСТ: Астрель, 2005.
32. Современный /словарь иностранных слов. — М.: Рус. яз., 1992.
33. Словарь иностранных слов. — 18-е изд., стер. — М.: Рус. яз., 1989.
34. Л. П. Крысин. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. — М.: Эксмо, 2008.
35. Н. Абрамов. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. — М.: Русские словари, 1999.
36. Д. Э. Розенталь. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. — М., Московская международная школа переводчиков, 1994.
37. Новый словарь сокращений русского языка / Под ред. Е. Г. Коваленко. — М.: Издательство «ЭТС», 1995.
38. Г. А. Золотова. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. — М., «Наука», 1988.
39. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина / Под ред. В. В. Морковкина. — 2-е изд., испр. — М.: Астрель, 2002.
40. В. И. Казарина. Современный русский синтаксис. Структурная организация простого предложения. — Елец, 2007.
41. Г. А. Золотова, Н. К. Ониненко, М. Ю. Сидорова. Коммуникативная грамматика русского языка. — М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998.
42. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990.
43. Е. А. Колтунова, И. В. Жарков. О пределах применения в лингвоэкспертной практике понятия речевой стратегии дискредитации // Неофилология. 2022. Т. 8, № 2. С. 218-227.
44. Жарков И. В., Колтунова Е. А. Обязательные лингвистические признаки заведомости ложного и (или) недостоверного характера сведений, содержащихся в продуктах речевой деятельности // Вопросы русского языка в юридических делах и процедурах. Международная научно-практическая конференция. — СПб.: Первый класс, 2021. С. 334-345.
45. О. В. Кукушкина, Ю. А. Сафонова, Т. Н. Секераж. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму / Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. — М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014.

46. И. А. Стернин, А. М. Шестерина. Маркеры фейка в медиатекстах. Рабочие материалы. — Воронеж: ООО «РИТМ», 2020.
47. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2008. 288 с.
48. Иссерс О.С. Речевое воздействие. М.: Флинта; Наука, 2009. 224 с.
49. Советская военная энциклопедия. В 8 томах. — М.: Воениздат, 1976–1980.

Исследование выполнено в форме рецензирования представленного заключения эксперта М. Н. Савосиной № 112ТФ от 23/ХП-2019 (в дальнейшем также *рецензируемое заключение*).

1. Относительно критериев оценки рецензируемого заключения

По мнению специалиста (далее также *рецензента*), для специальной научно-методической, лингвистической, экспертологической оценки представленного на исследование документа как доказательства по уголовному делу могут иметь значение следующие обстоятельства.

Исходя из формы и содержания представленного на исследование документа, он представляет собой заключение эксперта, составленное на основании постановления дознавателя о назначении судебной экспертизы, вынесенного в рамках предварительного расследования уголовного дела, и отражает результаты исследований, относящихся к особому виду деятельности, регламентируемому процессуальным законодательством и специальными законодательными актами, — судебно-экспертной деятельности.

В информационно-правовых базах российского законодательства насчитываются сегодня сотни нормативных актов различного уровня, регламентирующих судебно-экспертную деятельность. Системным документом, определяющим правовой статус судебно-экспертной деятельности и заключений экспертов, является федеральный закон №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 года.

Указанный системный акт определяет правовую основу, принципы организации и основные направления судебно-экспертной деятельности (СЭД) как самостоятельного вида социально-полезной деятельности в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве. В этом же законе закреплены принципы и правовые основы СЭД, исторически сложившиеся на основе многолетней правоприменительной практики.

Согласно ст. 1 указанного закона, с учетом положения ст. 41, распространяющего действие ряда основных норм закона на судебно-экспертную деятельность лиц, не являющихся государственными судебными экспертами, судебно-экспертная деятельность состоит в организации и производстве судебной экспертизы государственными судебно-экспертными учреждениями, государственными и негосударственными судебными экспертами. Исходя из положений ст. 2 указанного закона, **задачей** судебно-экспертной деятельности является оказание содействия правоприменителю («судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям») в **установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу**. Содействие оказывается посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла.

В ст. 9 даны определения основных понятий, используемых в законе. В частности, под **судопроизводством** понимается «регулируемая законодательством Российской Федерации о гражданском, административном и уголовном судопроизводстве деятельность суда или судьи по осуществлению правосудия, а также процессуальная деятельность органа дознания, лица, производящего дознание, следователя или прокурора, органа или долж-

ностного лица, в производстве которых находится дело об административном правонарушении».

Судебную экспертизу закон определяет как предусмотренное законодательством Российской Федерации о судопроизводстве процессуальное действие, включающее в себя проведение исследований и дачу заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний и которые поставлены перед экспертом уполномоченным лицом (судом, судьей, органом дознания и т. д.). Явным образом выразившееся в ранее действовавших редакциях указанной статьи уточнение «в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу», в настоящее время изъято законодателем. Вероятно, причиной этого изъятия было желание устранить дублирование формулировки по отношению к приведенному выше определению задачи судебно-экспертной деятельности, введенному в ст. 2 закона. Тем не менее обязательное для эксперта **требование соотнесения его действий при производстве судебно-экспертизы и даче заключения с целями установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу**, сохраняется и в настоящее время, поскольку это требование с необходимостью вытекает из необходимости соответствия деятельности эксперта определенной в ст. 2 закона задаче судебно-экспертной деятельности.

Заключение эксперта — «письменный документ, отражающий ход и результаты исследований, проведенных экспертом».

Статья 3 закона определяет **правовую основу** государственной судебно-экспертной деятельности, в которую, помимо Конституции Российской Федерации, данного закона и других федеральных законов, а также нормативно-правовых актов федеральных органов исполнительной власти, регулирующих организацию и производство судебно-экспертизы, включено процессуальное законодательство, в том числе Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Гражданский процессуальный кодекс РФ и др.

В статьях 4–8 закона зафиксированы основные принципы государственной судебно-экспертной деятельности, которые, согласно ст. 41, распространяются и на судебно-экспертную деятельность негосударственных судебных экспертов. Эти принципы могут быть содержательно разнесены на две группы.

Первую группу составляют **процессуально-правовые (общеюридические) принципы** деятельности:

- принцип законности (ст. 5);
- принцип соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица (ст. 6).

Вторую группу составляют **профессиональные (специальные) принципы** судебно-экспертной деятельности, являющиеся межотраслевыми и не зависящими от конкретного вида процесса (уголовный, гражданский, административный и т. д.), в котором участвует эксперт:

- **принцип независимости эксперта**, в соответствии с которым при производстве судебно-экспертизы эксперт независим, он не может находиться в какой-либо зависимости от органа или лица, назначивших судебно-экспертизу, сторон и других лиц, заинтересованных в исходе дела. Не допускается воздействие на эксперта со стороны судов, судей, органов дознания, лиц, производящих дознание, следователей и прокуроров, а также иных государственных органов, организаций, объединений и отдельных лиц в целях получения заключения в пользу кого-либо из участников процесса или в интересах других лиц. Лица, виновные в оказании воздействия на эксперта, подлежат ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации (ст. 7);

- **принцип наличия у эксперта определенной и ограниченной процессуальной компетенции.** «Эксперт дает заключение, основываясь на результатах проведенных исследований в соответствии со своими специальными знаниями» (ст. 7). «Эксперт проводит исследования... в пределах соответствующей специальности...» (ст. 8);
- **принцип объективности исследования.** «Эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе...» (ст. 8). Объективность исследования является одним из общих принципов научного познания. Ведущим критерием объективности (для любого вида познавательной деятельности) является получение тех же или близких результатов при воспроизведении исследования другим лицом или учреждением;
- **принцип проверяемости выводов эксперта,** тесно связанный с принципом объективности исследования. «Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных» (ст. 8);
- **принцип полноты экспертного исследования** («Эксперт проводит исследования... в полном объеме» — ст. 8), который означает, что при даче заключения эксперт должен, как минимум, провести исследование всех представленных на экспертизу объектов и сформулировать выводы по всем поставленным перед ним вопросам, а также по возможности стремиться проявить экспертную инициативу, т. е. указать на обнаруженные им в ходе исследования обстоятельства, которые могут иметь значение для дела, по поводу которых вопросы не были поставлены;
- **принцип всесторонности исследования** («Эксперт проводит исследования... всесторонне» — ст. 8), которая трактуется как учет при производстве экспертизы всех факторов (признаков представленного объекта), свидетельствующих как в пользу положительного вывода по поставленному вопросу, так и в пользу отрицательного вывода, а равно вывода о невозможности решения вопроса.

Из текста закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» следует, что судебного эксперта можно определить как «аттестованного работника государственного судебно-экспертного учреждения, производящего судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей» (государственный судебный эксперт, ст. 12) либо лицо, обладающее специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, выполняющее судебную экспертизу, но не являющееся государственным судебным экспертом (ст. 41; в данном заключении для обозначения таких лиц используется термин *негосударственный эксперт*, применяемый также законодателем — ср. формулировку из ст. 16: «...осуществлять судебно-экспертную деятельность в качестве негосударственного эксперта...»).

Правовой статус **эксперта** определяется прежде всего кругом его прав и обязанностей. Согласно ст. 16 указанного закона, эксперт **обязан**:

- принять к производству порученную ему судебную экспертизу;
- провести полное исследование представленных ему объектов и материалов дела, дать обоснованное и объективное заключение по поставленным перед ним вопросам;
- если поставленные вопросы выходят за пределы специальных знаний эксперта, объекты исследований и материалы дела непригодны или недостаточны для проведения исследований и дачи заключения и эксперту отказано в их дополнении либо современный уровень развития науки не позволяет ответить

на поставленные вопросы, — составить мотивированное письменное сообщение о невозможности дать заключение и направить данное сообщение в орган или лицу, которые назначили судебную экспертизу;

- не разглашать сведения, которые стали ему известны в связи с производством судебной экспертизы, в том числе сведения, которые могут ограничить конституционные права граждан, а также сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную охраняемую законом тайну;
- обеспечить сохранность представленных объектов исследований и материалов дела.

Эксперт также исполняет обязанности, предусмотренные соответствующим процессуальным законодательством.

Эксперт не вправе:

- вступать в личные контакты с участниками процесса, если это ставит под сомнение его незаинтересованность в исходе дела;
- самостоятельно собирать материалы для производства судебной экспертизы;
- сообщать кому-либо о результатах судебной экспертизы, за исключением органа или лица, ее назначивших;
- уничтожать объекты исследований либо существенно изменять их свойства без разрешения органа или лица, назначивших судебную экспертизу.

Установленные той же статьей запреты:

- принимать поручения о производстве судебной экспертизы непосредственно от каких-либо органов или лиц, за исключением руководителя государственного судебно-экспертного учреждения;
- осуществлять судебно-экспертную деятельность в качестве негосударственного эксперта —

относятся только к государственным судебным экспертам.

Права эксперта определены в статье 17 указанного закона. Эксперт вправе:

- ходатайствовать перед руководителем судебно-экспертного учреждения о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов, если это необходимо для проведения исследований и дачи заключения;
- делать подлежащие занесению в протокол следственного действия или судебного заседания заявления по поводу неправильного истолкования участниками процесса его заключения или показаний;
- обжаловать в установленном законом порядке действия органа или лица, назначивших судебную экспертизу, если они нарушают права эксперта.

Эксперт также имеет права, предусмотренные соответствующим процессуальным законодательством.

Согласно ст. 25 указанного закона, на основании проведенных исследований с учетом их результатов эксперт от своего имени или комиссия экспертов дают **письменное заключение** и подписывают его.

В заключении эксперта или комиссии экспертов должны быть отражены:

- время и место производства судебной экспертизы;
- основания производства судебной экспертизы;
- сведения об органе или о лице, назначивших судебную экспертизу;
- сведения о судебно-экспертном учреждении, об эксперте (фамилия, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы, ученая степень и ученое звание, занимаемая должность), которым поручено производство судебной экспертизы;

- предупреждение эксперта в соответствии с законодательством Российской Федерации об ответственности за дачу заведомо ложного заключения;
- вопросы, поставленные перед экспертом или комиссией экспертов;
- объекты исследований и материалы дела, представленные эксперту для производства судебной экспертизы;
- сведения об участниках процесса, присутствовавших при производстве судебной экспертизы;
- содержание и результаты исследований с указанием примененных методов;
- оценка результатов исследований, обоснование и формулировка выводов по поставленным вопросам.

Материалы, иллюстрирующие заключение эксперта или комиссии экспертов, прилагаются к заключению и служат его составной частью.

Закон «О государственной судебно-экспертной деятельности» включает в себя те положения, которые являются общими для разных видов судебного процесса. В то же время в **процессуальных кодексах** есть особые нормы, относящиеся к судебно-экспертной деятельности и являющиеся специфическими для каждого вида процесса. При наличии общих черт конкретные процессуальные нормы, регулирующие производство экспертизы, по уголовным, гражданским, административным, арбитражным и иным категориям дел имеют свои особенности.

При наличии общих черт конкретные процессуальные нормы, регулирующие производство экспертизы, по уголовным, гражданским, административным, арбитражным и иным категориям дел имеют свои особенности, а иногда существенно различаются.

Согласно статье 57 **Уголовно-процессуального кодекса РФ**, экспертом признается любое лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом РФ, для производства судебной экспертизы и дачи заключения.

Эксперт в силу своего статуса в уголовном процессе вправе, в частности:

- 1) знакомиться с материалами уголовного дела, относящимися к предмету судебной экспертизы;
- 2) ходатайствовать о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения, либо привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов;
- 3) участвовать с разрешения дознавателя, следователя и суда в процессуальных действиях и задавать вопросы, относящиеся к предмету судебной экспертизы;
- 4) давать заключение в пределах своей компетенции, в том числе по вопросам, хотя и не поставленным в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования;

В то же время эксперт не имеет права, в частности:

- 1) без ведома дознавателя, следователя и суда вести переговоры с участниками уголовного судопроизводства по вопросам, связанным с производством судебной экспертизы;
- 2) самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования.

Эксперт вправе возвратить без исполнения постановление о назначении судебной экспертизы, если представленных материалов недостаточно для ее производства или он считает, что не обладает достаточными знаниями для ее производства.

Оценка текста спорного заключения, являющегося частью материалов данного уголовного дела и не получившего в настоящее время какой-либо оценки, которая была бы закреплена вступившим в законную силу судебным постановлением, производится специалистом **исключительно в терминах специальных научных и методических**

признаков, которые, по мнению специалиста, могут свидетельствовать о соответствии либо несоответствии рецензируемого заключения требованиям, установленным законодательством о судебно-экспертной деятельности (в том числе указанным специальным законом и УПК РФ) в качестве обязательных при производстве судебно-экспертных исследований и составлении заключения эксперта. Вводя то или иное правовое понятие, законодатель в большинстве случаев использует при определении его содержания совокупность признаков, многие (как правило, большинство) из которых не носят правового характера. Установление наличия таких признаков в случаях, когда подлежащие выявлению признаки носят специальный характер, соответствующий компетенции эксперта или специалиста, не следует путать с правовой квалификацией обладающего устанавливаемыми специальными признаками объекта. Таковую правовую квалификацию тех или иных объектов производит суд с учетом существенно разнородных обстоятельств, включая признаки квалифицируемых объектов, носящие как фактический, так и специальный характер.

С учетом изложенного, в качестве **ведущего критерия оценки** представленного на исследование документа рассматривается подлежащая выявлению в ходе исследования, результаты которого отражены в настоящем заключении специалиста, **совокупность специальных научных (лингвистических, экспертологических) и методических признаков** соответствия либо несоответствия рецензируемого заключения описанным требованиям законодательства, предъявляемым к заключениям экспертов, **в части использования экспертом специальных познаний в области лингвистики, теории и практики судебной лингвистической экспертизы, теории и практики судебно-экспертной деятельности.**

2. Экспертные задачи по данной категории дел

Ч. 2 ст. 207³ УК РФ описывает квалифицирующие признаки деяния, обозначенного в тексте указанной части анафорической отсылкой к ч. 1 указанной статьи («То же деяние»).

Введенное законодателем определение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 207³ УК РФ, в диспозиции указанной нормы закона имеет следующий вид:

Публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, а равно содержащей данные об исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в указанных целях.

Федеральный закон № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» устанавливает (п. 1 ст. 3):

Государственный язык Российской Федерации подлежит обязательному использованию:

1) в деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности, в том числе в деятельности по ведению делопроизводства;

...

4) в конституционном, гражданском, уголовном, административном судопроизводстве, судопроизводстве в арбитражных судах, делопроизводстве в федеральных судах, судопроизводстве и делопроизводстве у мировых судей и в других судах субъектов Российской Федерации

...

6) во взаимоотношениях федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности и граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, общественных объединений;

...

11) в иных определенных федеральными законами сферах.

Использование русского языка как государственного предполагает обязательное соблюдение норм современного русского литературного языка, правил орфографии и пунктуации. Статья 1 (ч. 3, ч. 6) указанного закона содержит ссылки на такие нормы и правила, Министерством образования и науки РФ утвержден ряд источников, полностью или частично регламентирующих орфографическую, словоизменительную, орфоэпическую и фразеологическую нормы современного русского языка (Приказ Министерства образования и науки РФ от 8 июня 2009 г. № 195, изданный в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 23 ноября 2006 г. № 714). Иные аспекты языковой нормы, в том числе синтаксический и лексический, в силу ряда объективно существующих причин не регламентированы какими-либо правовыми и (или) нормативно-правовыми актами и относятся к сфере компетенции специалистов в области языкознания (лингвистики).

Текст Уголовного кодекса Российской Федерации относится, таким образом, к классу текстов, для которых обязательным является использование государственного языка, и подлежит буквальному толкованию (интерпретации) с учетом норм и правил современного русского литературного языка как государственного языка Российской Федерации.

Лексико-семантический и семантико-синтаксический анализ приведенного определения деяния, за которое, согласно ст. 207³ УК РФ, установлена уголовная ответственность, показывает, что законодатель устанавливает уголовную ответственность за распространение информации, характеризующееся следующей совокупностью признаков:

- (1) распространение информации является *публичным*;
- (2) распространенная информация включает в себе (*содержать* — ‘Иметь, заключать в себе’¹) *данные* (‘сведения, показатели, характеризующие кого-, что-л. как основа каких-л. выводов, решений’²), соответствующие описанию, выраженному словосочетанием *использование Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности* в форме предложного объектного падежа с предлогом *о*;
- (3) распространенная информация включает в себе (*содержать* — ‘Иметь, заключать в себе’) *данные* (‘сведения, показатели, характеризующие кого-, что-л. как основа каких-л. выводов, решений’) *об исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами тер-*

¹ Здесь и далее словарные значения и иные смысловые конструкты оформляются с помощью так называемых ‘марровских’ одинарных кавычек. Если не оговорено иное, словарные значения приводятся по данным «Большого толкового словаря». При этом специалист принимает во внимание данные всех известных толковых словарей современного русского языка. Отсутствие ссылок на иные лексикографические источники следует трактовать как указание на непротиворечивость данных разных словарей в отношении системы значений соответствующей лексемы. Отбор актуализированных в рассматриваемых контекстах словарных значений во всех случаях производится специалистом с учетом требования синсемичности — принципа сочетания слов, основанного на наличии у них общих сем (элементарных единиц смысла) и соответственно двусторонней готовности к соединению, а также грамматических признаков, проявляемых словоупотреблениями в рассматриваемых контекстах.

² Оттенок значения ‘Факты, обстоятельства, необходимые для умозаключения, суждения о ком-, чём-л., оценки кого-, чего-л.’ исключен в связи с разговорной стилистической принадлежностью, несовместимой с жанром текста Уголовного кодекса РФ как документа официально-делового стиля; оттенок значения ‘Сведения, представленные в такой форме, которая позволяет обрабатывать и хранить их в компьютере’ исключен в связи с принадлежностью к терминологической лексике, описывающей специальную область информатики. При этом сведения, представленные в форме, допускающей обработку и хранение в памяти ЭВМ, охватываются актуальным значением ‘сведения, показатели, характеризующие кого-, что-л. как основа каких-л. выводов, решений’, если эти сведения представляют собой информацию, характеризующую некий объект и представляющую собой основу для выводов и (или) решений.

ритории Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности;

- (4) распространенная информация является *ложной*;
- (5) ложность распространенной информации являлась *заведомой* (лицо, распространившее информацию, сознавало в момент ее распространения ложность распространяемой им информации);
- (6) информация была распространена *под видом достоверного сообщения и (или) нескольких достоверных сообщений*.

Приведенному определению удовлетворяет такое распространение информации, которому одновременно присущи признаки (1), (4), (5), (6) и хотя бы один из признаков (2) или (3), что соответствует использованию в формулировке рассматриваемого определения стилистически книжного союза *а равно*, имеющего в современном русском языке единственное значение 'Так же, как и; также и'.

Понятие *распространения информации* не является специальным понятием лингвистики. Квалификация тех или иных действий как распространения информации, вероятно, является вопросом факта и относится к компетенции суда.

Квалификация тех или иных действий по распространению информации как действий *публичных* относится к компетенции специалистов в области лингвистики лишь в части определения характера коммуникации. (Ср. методическое положение, принятое в судебно-экспертной практике РФЦСЭ при Минюсте России: «Для квалификации деяния, наряду с установлением наличия призыва и его направленности, следствию (суду) необходимо установить умысел автора призыва и публичность его действий. **В рамках экспертизы могут быть решены только вопросы** о целенаправленности коммуникативных, речевых действий автора (например, целенаправленность передачи определенных характеристик объекта речи), а также **о характере коммуникации (межличностный, публичный, массовый)**» [45, с. 12].

Оценка истинностного статуса той или иной информации, в том числе ее квалификация как *ложной*, в общем случае (за исключением ситуаций, когда распространенная информация носит специальный лингвистический характер) выходит за пределы компетенции специалиста.

В случаях, когда информация выражается устными или письменными продуктами речевой деятельности, возможность оценки выраженных языковыми средствами сведений, признанных судом ложными, по параметру их именно *заведомой ложности* является функцией от лингвистических и коммуникативных свойств содержащих эту информацию высказываний и текстов; также может иметь существенное значение точное смысловое содержание этих продуктов речевой деятельности, что предполагает наличие компетенции специалиста в области лингвистики.

Словесная конструкция *под видом достоверного сообщения* предполагает необходимость изучения языковой формы выражения сведений и коммуникативных свойств продуктов речевой деятельности, эти сведения содержащих, что предполагает наличие компетенции специалиста в области лингвистики.

Таким образом, **общая экспертная задача**, подлежащая решению в рамках лингвистического экспертного исследования материалов уголовного дела по обвинению лица в совершении преступления, предусмотренного ст. 207³ УК РФ, для случаев, когда информация распространена в виде продуктов речевой деятельности (устных или письменных текстов на естественном языке), реализуется, исходя из понятия задачи судебно-экспертной деятельности, введенного ст. 2 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»:

Задачей государственной судебно-экспертной деятельности является оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении **обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу**, посред-

ством разрешения вопросов, требующих **специальных знаний** в области науки, техники, искусства или ремесла, —

в виде совокупности следующих **частных экспертных задач**:

- установление точного смыслового содержания продуктов речевой деятельности, в которых выражается распространенная информация;
- установление соответствия распространенных сведений описанию, выраженному словосочетанием *данные* ('сведения, показатели, характеризующие кого-, что-л. как основа каких-л. выводов, решений') *об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности* в форме предложного объектного падежа с предлогом *о*;
- установление соответствия распространенных сведений описанию, выраженному словосочетанием *данные* ('сведения, показатели, характеризующие кого-, что-л. как основа каких-л. выводов, решений') *об исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности*;
- установление специальных лингвистических признаков заведомой (для лица, распространившего информацию) ложности распространенной информации, предположительно являющейся недостоверной;
- установление специальных лингвистических признаков распространения информации, предположительно являющейся ложной, под видом достоверного сообщения или нескольких достоверных сообщений.

Подробный анализ лингвистических аспектов понятия заведомости ложного или недостоверного характера сведений применительно к задачам судебной лингвистической и психолого-лингвистической экспертизы можно найти в совместной работе специалиста, составившего настоящее заключение (И. В. Жаркова), с Е. А. Колтуновой «**Обязательные лингвистические признаки заведомости ложного и (или) недостоверного характера сведений, содержащихся в продуктах речевой деятельности**» [44].

По данным «Большого толкового словаря», прилагательное *достоверный* имеет в современном русском языке единственное значение, которое может быть представлено в виде 'соответствующий действительности; точный, подлинный'. Другие толковые словари современного русского языка приводят сходные дефиниции. Предлог *под видом* имеет в современном русском языке единственное значение 'выдавая кого-, что-л. за нечто иное'. Прилагательное *ложный* в сочетании с наречием *заведомо* реализует значение 'не отвечающий действительности, создающий неверные представления; неправильный, ошибочный'. Соответственно:

- словосочетание ***ложная информация*** выражает в рассматриваемом контексте однозначное смысловое содержание, которое может быть представлено в виде 'информация, не отвечающая действительности, создающая неверные представления, неправильная, ошибочная';
- словосочетание ***заведомо ложная информация*** выражает в контексте диспозиции ч. 1 ст. 207³ УК РФ, исходя из норм и правил современного русского языка как государственного языка РФ, однозначное смысловое содержание, которое может быть представлено в виде 'распространенная информация, в отношении которой субъект ее распространения сознавал в момент ее

распространения, что она не отвечает действительности, создает неверные представления, является неправильной'¹;

- словосочетание *распространение заведомо ложной информации под видом достоверных сообщений* выражает в современном русском языке однозначное смысловое содержание, которое может быть представлено в виде 'такое распространение информации, при котором субъект ее распространения определенно сознает в момент ее распространения, что она не соответствует действительности, но выдает ее за информацию, определенно соответствующую действительности'.

Нетрудно видеть, что смысловое содержание словосочетания *распространение заведомо ложной информации под видом достоверных сообщений* включает в себя обязательный смысловой компонент, указывающий на то, что речь идет о распространении информации в такой форме, которая обеспечивает возможность ее проверки на соответствие действительности. Как показано в упомянутой статье И. В. Жаркова и Е. А. Колтуновой, единственной формой выражения информации, совместимой с этой возможностью, является форма утверждения о фактах.

Таким образом, с точки зрения норм и правил современного русского языка как государственного языка РФ, словосочетание *распространение заведомо ложной информации под видом достоверных сообщений* является осмысленным лишь при условии его использования для обозначения акта или процесса распространения сведений, выраженных в форме утверждения о фактах, но не в какой-либо из форм выражения мнения (в форме предположения, сомнения, оценочного суждения и т. п.).

В качестве заведомо ложной информации, распространяемой под видом достоверных сообщений, могут рассматриваться только сведения, выраженные в форме утверждений о фактах. Аналогичный вывод сформулирован И. А. Стерниным и А. М. Шестериной в специальной работе «Маркеры фейка в медиатекстах», посвященной методическим аспектам производства лингвистических судебных экспертиз по делам данной и иных подобных категорий: «Если перед нами оценочное суждение, оно не может быть отнесено к категории «фейки». Человек имеет право на любую, в том числе и ошибочную оценку. Поэтому прямое выражение оценки должно оцениваться не как факт, а как мнение. Оно не рассматривается экспертами как фейк независимо от наличия в нем признаков недобросовестного информирования» [46, с. 4].

Словосочетание *распространение заведомо ложной информации* является с точки зрения норм и правил современного русского языка скрытой (свернутой в именное словосочетание) моносубъектной полипредикативной конструкцией (субъект действия «распространение» и субъект, в восприятии которого ложный характер информации является заведомым, не могут быть различными). Следовательно, существенными для разрешения данного уголовного дела могут быть **только авторские утверждения о фактах**. Утверждения третьих лиц (отличных от субъекта распространения информации) о фактах, сопровождающиеся указанием на источник сведений, могут рассматриваться как гипотетически заведомо ложные для этих третьих лиц, однако не могут трактоваться как заведомо ложные для говорящего, транслирующего содержащуюся в таких утверждениях информацию с указанием источника приводимых или излагаемых им утверждений.

Содержание публично распространенной под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, о которой идет речь, описывается в диспозиции ч. 1 ст. 207³ УК РФ указанием на то, что эта информация включает в себя *данные* ('сведения, показав-

¹ Семантический компонент 'ошибочный' приведенного выше значения прилагательного *ложный* несовместим с контекстом употребления этого прилагательного в сочетании с наречием *заведомо*, исключается на основе принципа синсемичности.

тели, характеризующие кого-, что-л. как основа каких-л. выводов, решений') *об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности.*

Тема сообщений, о которых идет речь, описывается **словосочетанием *использование Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности.***

Главное (грамматически) слово в составе этого словосочетания ***использование*** относится с точки зрения лексической системы современного русского языка к лексико-грамматическому разряду отглагольных существительных, обозначающих действие, названное мотивирующим глаголом. В качестве мотивирующего глагола в данном случае выступает глагол *использовать*. Синсемичным для рассматриваемого словосочетания значением, совместимым с личным (термин ***Вооруженные Силы Российской Федерации***, согласно ч. 1 ст. 10 федерального закона «Об обороне», является в современном русском обозначением определенной «организации» — структурированной **совокупности лиц**) объектом действия, обозначаемого данным глаголом, является значение 'воспользоваться — пользоваться услугами кого-л. с какой-л. целью'.

Исходя из общих категориальных свойств отглагольных существительных, такое существительное является полисемичным (неоднозначным), будучи способным в норме обозначать: (а) собственно действие, названное мотивирующим глаголом; (б) единичный акт этого действия.

Неоднозначность существительного *использование* вытекает также из двувидовой природы глагола *использовать* ('воспользоваться услугами кого-л. с какой-л. целью' — совершенный вид; 'пользоваться услугами кого-л. с какой-л. целью' — несовершенный вид).

По данным специального «Объяснительного словаря русского языка», наиболее полно и системно описывающего систему значений служебной лексики, предлог *в целях* употребляется в современном русском языке при указании на действие, к осуществлению которого что-либо направлено.

Таким образом, словесная конструкция *в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности* в составе рассматриваемого словосочетания определяет следующие действия:

- защита интересов Российской Федерации;
- защита интересов граждан Российской Федерации;
- поддержание международного мира;
- поддержание безопасности —

в качестве действий, к осуществлению которых направлено то использование Вооруженных Сил Российской Федерации, о котором идет речь в диспозиции ч. 1 ст. 207³ УК РФ.

Наличие в составе рассматриваемого словосочетания словесной конструкции *в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности* обеспечивает однозначную интерпретацию действия, описываемого рассматриваемым словосочетанием, как осознанного, целенаправленного, активного действия. Эффект применения Вооруженных Сил Российской Федерации, способствующий достижению перечисленных целей (защите интересов РФ и т. д.), не является для субъекта, совершающего это действие, побочным результатом не зависящих от воли этого субъекта событий или его действия, имеющего иную направленность.

Каких-либо сведений о способе *использования* Вооруженных Сил Российской Федерации, о котором идет речь, диспозиция ч. 1 ст. 207³ УК РФ не содержит. Следовательно, ограничений в отношении конкретного содержания действий, посредством которых Вооруженными Силами оказываются или были оказаны услуги, о которых идет речь, текст диспозиции ч. 1 ст. 207³ УК РФ не вводит.

Сведений о конкретном субъекте, который использует или использовал Вооруженные Силы Российской Федерации — осознанно и целенаправленно воспользовался их услугами, преследуя то или иное подмножество следующих четырех возможных целей:

- защита интересов Российской Федерации;
- защита интересов граждан Российской Федерации;
- поддержание международного мира;
- поддержание безопасности —

текст диспозиции ч. 1 207³ УК РФ не содержит. Следовательно, ограничений в отношении субъекта, пользующегося или воспользовавшегося теми услугами Вооруженных Сил, о которых идет речь, текст указанной диспозиция не вводит.

Таким образом, исходя из норм и правил современного русского литературного языка как государственного языка РФ, словосочетание *использование Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности* в контексте диспозиции ч. 1 ст. 207³ УК РФ, обозначающее **явление, сведения о котором или о неких параметрах (показателях) которого** включены в информацию, публично распространенную под видом достоверных сообщений, за распространение каких-либо сообщений устанавливается уголовная ответственность указанной нормой законодательства, **является неоднозначным, допускает две существенно различных интерпретации:**

(а) как таковая **абстрактная идея осознанного и целенаправленного получения любым лицом любых услуг от Вооруженных Сил Российской Федерации** при условии, что это получение услуг направлено к защите любых интересов Российской Федерации, и (или) к защите интересов любых граждан Российской Федерации, и (или) к поддержанию международного мира, и (или) к поддержанию безопасности любых лиц в любом аспекте их жизнедеятельности, **вне зависимости от каких бы то ни было фактических обстоятельств, связанных с оказанием этих услуг**, в том числе от совокупности поступков, совершаемых в ходе оказания этих услуг лицами, составляющими Вооруженные Силы РФ, и от совокупности иных событий, с оказанием этих услуг связанных;

(б) **любой конкретный акт осознанного и целенаправленного получения любым лицом неких конкретных услуг от Вооруженных Сил Российской Федерации**, направленного к защите любых интересов Российской Федерации, и (или) к защите интересов любых граждан Российской Федерации, и (или) к поддержанию международного мира, и (или) к поддержанию безопасности любых лиц в любом аспекте их жизнедеятельности, подлежащий рассмотрению **в совокупности фактических обстоятельств, связанных с оказанием этих услуг**, в том числе в совокупности поступков, совершаемых в ходе оказания этих услуг лицами, составляющими Вооруженные Силы РФ, и в совокупности иных событий, с оказанием этих услуг связанных.

Принимая во внимание синсемичное рассматриваемому контексту значение существительного *интересы* ‘то, что составляет благо кого-, чего-л., служит на пользу кому-, чему-л.; нужды, потребности’, в составе которого присутствует ярко выраженный компонент прямой субъективной позитивной оценки характеризуемого явления ‘благо’, следует констатировать, что такие словесные конструкции, как «интересы Российской Федерации» или «интересы граждан Российской Федерации», выражают скрытые (оформленные не предикатами отдельных высказываний, но свернутыми в словосочетания пропозициями) аналитические и оценочные суждения о том, что нечто не названное является чем-то хорошим (‘благом’) для Российской Федерации как юридического лица или некоего подмножества физических лиц, состоящих с указанным юридическим лицом в отношениях гражданства.

Для описанного выше варианта интерпретации (б) полная оценка тех или иных конкретных предметов, явлений, обстоятельств реальной действительности и т. п. как соот-

ветствующих понятиям «интересы Российской Федерации», «интересы граждан Российской Федерации» выходит за пределы компетенции специалиста-лингвиста, может быть отнесена к специальной компетенции соответственно специалистов в областях политологии и социологии. При этом общеизвестно, что в обществе существуют разные взгляды на то, что для государства и общества является благом, а что благом не является. Оставаясь в пределах ограниченной процессуальной компетенции специалиста, можно лишь утверждать, что без применения специальных политологических и (или) социологических специальных знаний такая оценка в общем случае будет находиться в зависимости от применяемой системы ценностей и критериев оценки, выбор которых будет определяться волей субъекта, производящего эту оценку, тем самым с неизбежностью будет носить субъективный, произвольный характер.

Из содержания материалов уголовного дела, предоставленных как для производства настоящего исследования, так и для производства экспертизы, по результатам которой составлено рецензируемое заключение, вытекает, что **как в рамках данного исследования, так и в рамках экспертизы, по результатам которой составлено рецензируемое заключение, в качестве актуального соответственно подлежит и подлежало рассмотрению понимание использования Вооруженных Сил Российской Федерации как действия, состоящего в получении не названным субъектом услуг от Вооруженных Сил Российской Федерации, оказываемых ими посредством проведения вполне определенного мероприятия — «специальной военной операции на территории указанного государства [Республики Украины]»** (с. 1 представленного постановления о назначении судебной лингвистической экспертизы; представленный рапорт следователя по особо важным делам Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации капитана юстиции А. Ю. Пахомова от 12/ВП-2022), то есть мероприятия, решение о проведении которого было принято 24/П-2022 лицом, в настоящее время замещающим должность Президента Российской Федерации, в связи с обращением глав ДНР и ЛНР с просьбой об оказании помощи, в соответствии с ч. 7 ст. 51 Устава Организации Объединенных Наций от 26.06.1945, в соответствии с Постановлением Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 22.02.2022 № 35-СФ, во исполнение ратифицированных Федеральным Собранием Российской Федерации 22.02.2022 Договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и ДНР и о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и ЛНР.

Тем самым из двух равновозможных, исходя из норм и правил современного русского литературного языка как государственного языка РФ, интерпретаций текста диспозиции ч. 1 ст. 207³ УК РФ, описанных в настоящем подразделе заключения, **актуальной является интерпретация (б)**, в соответствии с которой наказуемым является распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации о **любом конкретном акте осознанного и целенаправленного получения любым лицом неких конкретных услуг от Вооруженных Сил Российской Федерации**, направленного к защите любых интересов Российской Федерации и (или) к защите интересов любых граждан Российской Федерации и (или) к поддержанию международного мира и (или) к поддержанию безопасности любых лиц в любом аспекте их жизнедеятельности, подлежащем рассмотрению **в совокупности фактических обстоятельств, связанных с оказанием этих услуг**, в том числе в совокупности поступков, совершаемых в ходе оказания этих услуг лицами, составляющими Вооруженные Силы РФ, и в совокупности иных событий, с оказанием этих услуг связанных.

В данном случае **субъектом**, востребовавшим и получающим соответствующие услуги от Вооруженных Сил Российской Федерации (через их использование), выступает Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Российской Федерации — лицо, замещающее в настоящее время должность Президента Российской Федерации; **собственно услуги**, о которых идет речь, оказываются Вооруженными Силами Российской Федерации.

Федерации, используемыми таким образом Верховным Главнокомандующим с согласия Совета Федерации, **на территории Республики Украины в форме специальной военной операции.**

Обобщая изложенное в настоящем подразделе заключения, можно констатировать, что в качестве **окончательной итерации** списка **обязательных частных экспертных задач**, вытекающих из категории дела, известной эксперту М. Н. Савосиной, подлежавших решению в ходе экспертизы, по результатам которой составлено рецензируемое заключение, следует принять следующую их совокупность:

- установление точного смыслового содержания продуктов речевой деятельности, в которых выражается распространенная информация;
- установление соответствия распространенных сведений описанию, выраженному словосочетанием *данные* ('сведения, показатели, характеризующие кого-, что-л. как основа каких-л. выводов, решений') *об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности*;
- установление соответствия распространенных сведений описанию, выраженному словосочетанием *данные* ('сведения, показатели, характеризующие кого-, что-л. как основа каких-л. выводов, решений') *об исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности*¹;
- установление формы выражения распространенных сведений при решающем противополжении формы утверждения говорящего (автора спорного текста) о фактах, с одной стороны, различным формам выражения мнения (не допускающим возможности проверки выраженных в таких формах сведений на соответствие действительности) и форме утверждения о фактах со ссылкой на источник сведений (исключающей заведомость для говорящего ложного характера распространяемых им сведений), с другой стороны;
- установление иных специальных лингвистических признаков заведомой (для лица, распространившего информацию) ложности распространенной информации, предположительно являющейся недостоверной;
- установление специальных лингвистических признаков распространения информации, предположительно являющейся ложной, под видом достоверного сообщения или нескольких достоверных сообщений.

3. Относительно понятийного аппарата рецензируемого заключения

Понятийный аппарат, применяемый в рецензируемом заключении, представлен на его с. 4–6.

3.1. В формулировках поставленных на разрешение эксперта М. Н. Савосиной вопросов следователя № 1 и № 3 используется описательная словесная конструкция **«утверждения об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации для убийства в г. Буче Киевской области Украины в ходе проведения специальной военной операции на территории указанного государства»**. В частности, вопрос № 1 представляет собой адресованный эксперту прямой запрос информации о наличии в составе исследуемого

¹ Данная экспертная задача не является релевантной для разрешения вопросов, поставленных перед специалистами, не содержащих упоминания об исполнении какими-либо госорганами каких-либо полномочий где-либо за международно признанными или какими-либо иными пределами территории РФ.

экспертом фрагмента видеофонограммы продуктов речевой деятельности, удовлетворяющих этому описанию.

Как показано в разделе 2 настоящей рецензии, в соответствии с общей задачей судебно-экспертной деятельности, состоящей в содействии правоприменителю в установлении обстоятельств, имеющих доказательственное значение по делу, в рамках которого назначена и проводится экспертиза, к числу подлежащих обязательному решению экспертных задач для уголовных дел данной категории относится задача установления формы выражения распространенных сведений **при решающем противополжении формы утверждения говорящего (автора спорного текста) о фактах, с одной стороны, различным формам выражения мнения** (не допускающим возможности проверки выраженных в таких формах сведений на соответствие действительности) **и, с другой стороны, форме утверждения о фактах со ссылкой на источник сведений** (исключающей заведомость для говорящего ложного характера распространяемых им сведений).

Нелишне заметить, что именно такое противопоставление является традиционным для судебной лингвистической экспертизы, поскольку именно оно имеет решающее значение для дел целого ряда категорий. Так, например, с выходом в свет Постановления № 3 Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» от 24 февраля 2005 года общепринятым в судебной лингвистической экспертизе стало представление о существовании двух основных экспертных задач, подлежащих решению в рамках экспертизы продуктов речевой деятельности по так называемым «диффамационным» делам, связанным с распространением порочащих сведений, прежде всего в рамках гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации и уголовных дел о клевете. Этими задачами являются (1) выявление негативных сведений об определенном лице и (2) установление формы выражения таких сведений при решающем противополжении формы утверждения о фактах различным формам выражения мнения, таким как оценочные суждения, предположения, выводы и т. п.

Эксперт М. Н. Савосина, по всей видимости, сознает, что именно такое противополжение должно быть решающим и для уголовных дел по ст. 207³ УК РФ. Во всяком случае, эксперт вводит термин *утверждение о фактах*, отсутствующий в формулировке поставленных перед ней вопросов, в свой понятийный аппарат (с. 4 рецензируемого заключения):

Высказывание в форме утверждения о факте – высказывание, **пропозициональный компонент** которого **соотносится с действительностью**.

С этой дефиницией связан также ряд других элементов понятийного аппарата, применяемого экспертом М. Н. Савосиной (с. 5–6 рецензируемого заключения):

Модальность – функционально-семантическая категория, определяющая разные виды **отношения высказывания к действительности**: объективная модальность («Люди счастливы - люди были счастливы - люди будут счастливы - люди были бы счастливы - пусть люди будут счастливы»), а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого - субъективная модальность («Люди, конечно, счастливы - люди, вероятно, счастливы - во-первых, люди счастливы»); выражается различными грамматическими и лексическими средствами - формами наклонения, модальными глаголами, интонацией и т. д.
<...>

Пропозиция – совокупность номинаций, отдельных ситуаций, **отвлеченных от модального содержания**. В состав пропозиции входят предикат, способный приобретать модальные и временные характеристики, и термы, которые являются логическим соответствием понятию актантов.
<...>

Утверждение – высказывание, в котором утверждается что-либо и в котором отображается связь предмета и его признаков. Грамматически утверждение выражается формой повест-

вовательного предложения – как восклицательного, так и невосклицательного. Утверждение может содержать слова и словосочетания, подчеркивающие достоверность сообщаемого.

Факт — событие, происшествие или явление, существовавшее или существующее в действительности.

Приведенные определения понятий *модальность*, *пропозиция*, *утверждение* и *факт* не вызывают у рецензента каких-либо сомнений, эти или существенно сходные с ними определения действительно могут быть отнесены к категории общепризнанных научных данных (хотя и не являются единственно возможными в силу общей неоднозначности лингвистической терминологии); эти или существенно сходные определения систематически и вполне эффективно используются в сфере судебного речеведения.

Однако то приведенное выше определение *утверждения о фактах*, ключевое с точки зрения соответствия заключения эксперта М. Н. Савосиной общей задаче судебно-экспертной деятельности (как следует из изложенного в разделе 2 настоящего заключения), введенное экспертом на с. 4, вступает с этими четырьмя последними определениями в антагонистическое противоречие, представляющееся неустранимым.

Налицо ситуация, в которой:

- **пропозиция** определяется экспертом (следует заметить, что определяется вполне корректно) как нечто «отвлеченное от модального содержания»;
- **отнесенность высказывания к действительности** определяется как функция от этого модального содержания («**Модальность** – функционально-семантическая категория, **определяющая разные виды отношения высказывания к действительности**», что также вполне корректно).

Однако при таком наполнении понятий утверждение о фактах никак не может быть определено как «высказывание, пропозициональный компонент которого соотносится с действительностью». Воспользовавшись примерами, приведенными экспертом М. Н. Савосиной, имеем ряд высказываний с тождественной пропозицией, различающихся между собой исключительно модальностью:

- «Люди счастливы»;
- «Люди были счастливы»;
- «Люди будут счастливы»;
- «Люди были бы счастливы»;
- «Пусть люди будут счастливы»;
- «Люди, конечно, счастливы»;
- «Люди, вероятно, счастливы»;
- «Во-первых, люди счастливы».

Вполне очевидно, что пропозиции всех приведенных высказываний соотносятся с действительностью одинаковым образом, поскольку эти пропозиции тождественны.

В приведенном списке присутствует множество высказываний, которые имеют грамматическую «форму повествовательного предложения»:

- «Люди счастливы»;
- «Люди были счастливы»;
- «Люди будут счастливы»;
- «Люди были бы счастливы»;
- «Люди, конечно, счастливы»;
- «Люди, вероятно, счастливы»;
- «Во-первых, люди счастливы».

Но в составе высказывания «Люди, вероятно, счастливы» присутствует вводное слово *вероятно*, которое, по данным специального «Объяснительного словаря русского языка», наиболее полно и системно описывающего значения служебной лексики, употребляется в современном русском языке для выражения того, что высказываемое **утверждение** основывается не на точном знании, а на **предположении** говорящего. Иными словами, перед

нами высказывание, имеющее грамматическую форму утверждения, которое ни при каких обстоятельствах не может трактоваться как утверждение о фактах, поскольку предположение рассматривается в лингвистической экспертизе как разновидность мнения.

Аналогичное положение дел наблюдается с высказыванием «Люди будут счастливы», в составе которого используется форма будущего времени — **грамматический маркер предположительности** сообщаемых сведений. Показательно, что введенное экспертом М. Н. Савосиной определение *факта* как «события, происшествия или явления, **существовавшего или существующего** в действительности», не предусматривает возможности отнесения к категории утверждений о фактах информации о событиях будущего, которые не произошли и не происходят в момент речи, вне зависимости от грамматически утвердительной формы высказываний, в которых эта информация выражается.

А высказывание «Люди были бы счастливы», являясь утверждением, вообще не относится к изъявительному наклонению. Так, в контексте «Люди были бы счастливы. Но случилось то, что случилось» данное высказывание, имеющее форму сослагательного наклонения, оставаясь утверждением, тем не менее, прямо указывает, что описываемое его пропозицией положение дел не существовало и не существует в действительности.

Таким образом, используемое в рецензируемом заключении понятие утверждения, вполне корректно определяемое экспертом М. Н. Савосиной, не тождественно понятию утверждения о фактах, определяя лишь одно из необходимых условий признания утверждением о фактах того или иного высказывания.

В то же время дефиниция утверждения о фактах, введенная в рецензируемом заключении, как показано выше, является чужеродной понятийному аппарату, используемому экспертом М. Н. Савосиной, вступает с ним в противоречие.

3.2. Как показано в разделе 2 настоящего заключения, в соответствии с общей задачей судебно-экспертной деятельности, состоящей в содействии правоприменителю в установлении обстоятельств, имеющих доказательственное значение по делу, в рамках которого назначена и проводится экспертиза, к числу подлежащих обязательному решению экспертных задач для уголовных дел данной категории относится задача установления формы выражения распространенных сведений **при решающем противоположении формы утверждения говорящего (автора спорного текста) о фактах, с одной стороны, различным формам выражения мнения** (не допускающим возможности проверки выраженных в таких формах сведений на соответствие действительности) **и, с другой стороны, форме утверждения о фактах со ссылкой на источник сведений** (исключающей заведомость для говорящего ложного характера распространяемых им сведений).

При этом как в формулировках поставленных на разрешение эксперта М. Н. Савосиной вопросов, так и в выводах эксперта речь идет **об утверждениях, но не об утверждениях о фактах.**

В зависимости от характера выражаемой информации утверждение может быть утверждением о фактах (например, *Иван имеет рост 1 м 80 см*), оценочным суждением — субъективным мнением (*Иван высок*), в том числе негативно окрашенным (*Иван — дылда*), обобщающим утверждением — выводом, отражающим мнение, основанное на жизненном опыте говорящего (*столбы обычно высоки*) и т. п. В частности, к категории утверждений о фактах не подлежат отнесению утвердительные по своей грамматической форме высказывания, выражающие сведения аналитического типа и представляющие собой, тем самым, выводы, отражающие осознанно сформировавшееся мнение говорящего.

Однако эксперт М. Н. Савосина в рецензируемом заключении вообще не использует какой-либо применяемой в лингвистической экспертизе классификации информации по типам (например, *фактическая vs оценочная vs аналитическая vs концептуальная vs директивная*).

При этом в исследовательской части рецензируемого заключения термин *утверждение о фактах* экспертом используется (к примеру, на с. 11: «Отсутствие в исследуемом фрагменте маркером субъективной модальности, а также соответствующее семантическое наполнение высказываний свидетельствуют о том, что ситуация представлена в форме утверждения о фактах...»).

Из всех форм выражения мнения в понятийном аппарате рецензируемого заключения представлена только категория *оценки*. **Понятия предположения, вывода как осознанно сформировавшегося мнения, концептуального суждения, обобщающего суждения как различных средств выражения мнения, как и понятие собственно мнения, которому противопоставляются и от которого, собственно говоря, и должны отграничиваться утверждения о фактах, эксперт не описывает и не применяет сколь-нибудь последовательно.**

Учитывая отсутствие описанных в рецензируемом заключении критериев отнесения тех или иных утверждений к категории утверждений о фактах либо к той или иной форме выражения мнения, а также противоречивость понятийного аппарата М. Н. Савосиной (показанную в подразделе 3.1 настоящей рецензии), можно констатировать **невозможность верификации суждений эксперта, в которых утверждается наличие якобы выявленных экспертом в исследуемом ею фрагменте видеофонограммы утверждений о фактах, на основе того определения утверждения о фактах, которое вводит эксперт М. Н. Савосина.**

3.3. Обобщая изложенное в настоящем разделе рецензии, следует констатировать, что применяемый в рецензируемом заключении **понятийный аппарат является неполным и недостаточным, не является адекватным одной из главных экспертных задач, подлежащих обязательному решению в рамках лингвистической экспертизы по уголовным делам данной категории, — задаче установления формы выражения распространенных сведений при решающем противоположении формы утверждения говорящего (автора спорного текста) о фактах, с одной стороны, различным формам выражения мнения** (не допускающим возможности проверки выраженных в таких формах сведений на соответствие действительности).

4. Относительно исследования спорной видеофонограммы

Вполне корректно установив два **объекта исследования** (с. 7 рецензируемого заключения):

- фрагмент представленной на экспертизу видеофонограммы в обозначенных в формулировке вопросов пределах («отрезок с 26 мин. 51 сек. по 52 мин. 18 сек.», для данного объекта эксперт вводит условное обозначение *СТ*; к данному объекту относятся все поставленные перед экспертом вопросы);
- «"заявление Министерства обороны Российской Федерации" от 03.04.2022 (17:50)» (к данному объекту относится поставленный перед экспертом вопрос № 4), —

эксперт М. Н. Савосина на с. 8–15 рецензируемого заключения описывает ход и промежуточные результаты исследований по поставленным на ее разрешение вопросам № 1, № 2 и № 3.

4.1. На с. 8 в качестве одного из предметов исследования (данный предмет непосредственно относится к **вопросу № 1**) экспертом вполне корректно указано выявление «высказываний, содержащих утверждения об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации для убийства мирных жителей в г. Буче Киевской области Украины в ходе проведения специальной военной операции на территории указанного государства». В процитированном здесь описании содержания подлежащих выявлению высказываний экспертом воспроизведена формулировка, использованная следователем в вопросах № 1 и № 3.

Содержание этого описания якобы раскрывается экспертом в первом абзаце на с. 9: Следует отметить, что в поставленных вопросах идет речь о наличии высказываний с утверждениями об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации. Под «информацией об использовании Вооружённых Сил Российской Федерации» понимаются выраженные языковыми средствами сведения о событиях действительности, положении дел, которые связаны с Вооружёнными Силами Российской Федерации, то есть называют их действия или результат действий.

Однако, как показано в разделе 2 настоящей рецензии, в действительности содержание формулировки «информация об использовании Вооружённых Сил Российской Федерации» в рамках уголовных дел данной категории раскрывается следующим образом: речь идет об информации о **любом конкретном акте осознанного и целенаправленного получения любым лицом неких конкретных услуг от Вооруженных Сил Российской Федерации**, направленного к защите любых интересов Российской Федерации и (или) к защите интересов любых граждан Российской Федерации и (или) к поддержанию международного мира и (или) к поддержанию безопасности любых лиц в любом аспекте их жизнедеятельности, подлежащем рассмотрению **в совокупности фактических обстоятельств, связанных с оказанием этих услуг**, в том числе в совокупности поступков, совершаемых в ходе оказания этих услуг лицами, составляющими Вооруженные Силы РФ, и в совокупности иных событий, с оказанием этих услуг связанных.

Следовательно, не всякая информация о «действиях или результате действий», совершенных или совершаемых ВС РФ на территории Республики Украины, является информацией об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, осуществляемом неким не названным законодателем лицом. **Значимыми для разрешения дела могут быть только сведения о таких действиях Вооруженных Сил, которые являются частью процесса осознанного и целенаправленного получения не названным законодателем лицом услуг от Вооруженных Сил Российской Федерации, а не побочным эффектом их использования.** Иными словами, речь идет о тех действиях Вооруженных Сил Российской Федерации, которые соответствуют замыслу лица, получающему от них услуги, направленные к защите интересов РФ, защите интересов всех или некоторых граждан РФ и т. д. Сталкиваясь с подобными вопросами, эксперт должен сообразовать свои действия с общей задачей СЭД, установленной ст. 2 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и состоящей в содействии правоприменителю в установлении обстоятельств, имеющих доказательственное значение по конкретному делу. Однако нигде в тексте рецензируемого заключения эксперт М. Н. Савосина не сочла нужным указать, что она установила, представлены ли действия Вооруженных Сил Российской Федерации, информация о которых была обнаружена экспертом в СТ, как соответствующие замыслу лица, получающему от них услуги, направленные к защите интересов РФ, защите интересов всех или некоторых граждан РФ и т. п. **Игнорирование экспертом общей задачи СЭД в данном случае привело к ошибочной трактовке экспертом содержания поставленных перед экспертом вопросов № 1 и № 3, а также к подмене понятий, которая с неизбежностью повлекла за собой создание угрозы введения правоприменителя (следствия и суда) в заблуждение относительно круга обстоятельств, имеющих значение для разрешения дела.**

4.2. На с. 10 рецензируемого заключения эксперт приводит «высказывания, соответствующие критериям поиска»:

«Те, кто не успел уехать, прятались в подвале, связь работала с перебоями, поэтому, в общем, мало кто понимал, что там на самом деле происходит. Но вот после отступления путинских войск, контроль над городом вернулся к украинской армии, и буквально сразу же нам показали жуткую картину городских улиц. На дороге лежали трупы мирных жителей, были обнаружены братские могилы, куда сбрасывали гражданских и наспех присыпали их песком. Все, абсолютно такая постапокалипстическая картина, знаете, как в фильмах ужасов. Мерт-

вые тела там с открытыми глазами, с завязанными за спиной руками, в подвалах было обнаружено много убитых гражданских, и, действительно, у многих были руки связаны за спиной, а в затылках обнаружены пулевые ранения», —

и приступает к описанию их пропозиционального содержания в части «ситуации (положения дел), связанной с мирными жителями / гражданским населением города Бучи».

По мнению эксперта, высказывание «Те, кто не успел уехать, спрятались в подвале, связь работала с перебоями, поэтому, в общем, мало кто понимал, что там на самом деле происходит» характеризуется пресуппозицией (согласно определению на с. 5 рецензируемого заключения, «Пресуппозиция – компонент общих знаний говорящего и слушающего»), в соответствии с которой «мирным жителям, вынужденным «прятаться» в подвалах, препятствовали покинуть город и пользоваться сотовой связью». Наличие у говорящего и слушающего подобной пресуппозиции никак экспертом не обосновывается. Между тем совершенно неясно, каким образом из высказывания «X не успел уехать» могла бы быть выведена пресуппозиция, в соответствии с которой некто препятствовал отъезду X, а из высказывания «Связь работала с перебоями» — пресуппозиция, в соответствии с которой некто препятствовал пользованию сотовой связью.

Ситуация, описываемая высказыванием «Те, кто не успел уехать, спрятались в подвале, связь работала с перебоями, поэтому, в общем, мало кто понимал, что там на самом деле происходит», допускает и иные объяснения: речь вполне может идти, например, о людях, которые не успели покинуть Бучу и выехать на территорию, подконтрольную органам власти Республики Украины, в период времени, пока ходил общественный транспорт, и не смогли впоследствии сделать этого не по той причине, что некто им препятствовал в отъезде, а в связи с прекращением пассажирского сообщения между Бучей и территорией, контролируемой украинскими властями, а также о перебоях в функционировании сетей сотовой связи, не являющихся результатом чьей-то целенаправленной деятельности по воспрепятствованию пользованию связью.

По мнению эксперта, высказывание «На дороге лежали трупы мирных жителей, были обнаружены братские могилы, куда сбрасывали гражданских и наспех присыпали их песком» содержит сведения о том, что «мирных жителей убивали, безжизненные тела убитых мирных жителей сбрасывали в братские могилы, наспех присыпанные песком». При этом эксперт игнорирует влияние, оказываемое на смысловую интерпретацию данного высказывания непосредственно предшествующим контекстом «Но вот после отступления путинских войск, контроль над городом вернулся к украинской армии, и буквально сразу же нам показали жуткую картину городских улиц». Принятие этого контекста в рассмотрение приводит к вполне определенному и однозначному выводу о том, что рассматриваемое экспертом высказывание содержит лишь конкретизирующее описание «жуткой картины», которую «нам показали» «после отступления путинских войск» и возвращения контроля над территорией Бучи к украинской армии.

При этом на с. 11–12 рецензируемого заключения эксперт М. Н. Савосина справедливо указывает на существование двух «точек зрения / позиций», по-разному объясняющих происхождение описанной «жуткой картины», в соответствии с одной из которых «опубликованные фотографии и материалы – это фейки и провокация с украинской стороны».

С учетом изложенного, суждение эксперта о том, что рассматриваемое высказывание содержит сведения о том, что «мирных жителей убивали, безжизненные тела убитых мирных жителей сбрасывали в братские могилы, наспех присыпанные песком», не является корректным: в действительности в СТ описано содержание информационных материалов, которые «нам показали» и которые изображают положение дел в Буче в период времени после вывода российских войск и возвращения указанного населенного пункта под контроль украинской стороны вооруженного конфликта, что само по себе отнюдь не означает обязательной достоверности этих информационных материалов, тем более что в СТ содержится информация о содержании официальной позиции Минобороны РФ, отрицающей подлинность

этих информационных материалов и полагающего, что они были фальсифицированы украинской стороной.

Полностью аналогичная ошибка содержится в суждении эксперта, в соответствии с которым высказывание «Мертвые тела там с открытыми глазами, с завязанными за спиной руками, в подвалах было обнаружено много убитых гражданских, и, действительно, у многих были руки связаны за спиной, а в затылках обнаружены пулевые ранения» содержит сведения о том, что «мирные жители подвергались в подвалах насилию (им связывали за спиной руки, расстреливали в затылок)». Эксперт вновь игнорирует описанный контекст, учет которого влечет за собой необходимость признания данного высказывания описательным в отношении информационных материалов, которые «нам показали», но не в отношении событий, последствий которых в этих материалах изображены. В частности, на эту часть «жуткой картины» также распространяется представленная в СТ позиция Минобороны, касающаяся возможной фальсификации информационных материалов украинской стороной.

Таким образом, описание точного смыслового содержания высказываний в составе СТ, в которых экспертом якобы обнаружены сведения о действиях ВС РФ, в рецензируемом заключении существенно искажено. Выводы эксперта о точном содержании сведений о действиях ВС РФ, якобы обнаруженных М. Н. Савосиной в СТ, не являются обоснованными, являются недостоверными. Отсутствие надлежащего обоснования и недостоверность этих выводов являются следствием **неполноты** проведенного экспертом М. Н. Савосиной исследования, в ходе которого **не был принят во внимание предыдущий контекст** рассмотренных ею высказываний.

4.3. На с. 11–12 рецензируемого заключения эксперт приводит описание «двух точек зрения / двух позиций представителей противоположных сторон конфликта», по-разному объясняющих происхождение информационных материалов, формирующих «жуткую картину», которую «нам показали».

По данным «Большого толкового словаря», **имя существительное позиция** имеет в современном русском языке следующую систему значений:

ПОЗИЦИЯ, -и; ж. [лат. *positiō* - местоположение, позиция] **1.** Положение, расположение кого-, чего-л. *Стать, становиться в позицию. Находиться в боевой позиции. II Спорт., балет.* Положение тела, поза при каких-л. упражнениях, движениях, основные положения рук и ног. *Встать в первую позицию. Занять исходную позицию. П. фехтовальщика. II Муз.* Определённое положение рук, пальцев при игре на струнных музыкальных инструментах. **2.** Место расположения войск в бою. *Артиллерийская п. Выбрать место для миномётной позиции. II обычно мн.:* позиции, -ий. Район военных действий. *Передовые позиции. Отправиться на позиции. Сняться с позиций.* **3.** Точка зрения, принцип, положенные в основу поведения, действий кого-, чего-л. *Твёрдая п. П. в споре. Теоретические позиции. Отстаивать свою позицию. Изложить свою позицию. Остаться на прежних позициях. Ослабление позиций демократов. Стоять на позициях кого-, чего-л., каких-л.* (отстаивать какую-л., чью-л. точку зрения и следовать ей). *Решать с позиции силы* (о тактике силового давления на кого-л.). **4.** Расположение фигур в какой-л. момент игры (в шахматы, в шашки). *Анализировать позицию, сложившуюся на доске.*

Другие толковые словари современного русского языка описывают значения указанного существительного тождественным или существенно сходным образом.

Актуальным для контекста *две точки зрения / две позиции представителей противоположных сторон конфликта* является **словарное значение 3** ‘Точка зрения, принцип, положенные в основу поведения, действий кого-, чего-л.’, прямо определяющее номинации *позиция* и *точка зрения* как синонимы.

Фразеологизм *точка зрения* и существительное *принцип* в значении ‘внутренняя убежденность в чём-л., точка зрения на что-л.; норма поведения’, с помощью которых лексикографически описывается значение 3, являются в лексической системе современного русского языка синонимами соответственно существительных *мнение* и *убеждение*,

обозначающих **форму информации, абсолютно противопоставляемую** в лингвистической и психолого-лингвистической экспертизе **форме утверждения о фактах**.

Собственно словосочетание *две точки зрения / две позиции представителей противоположных сторон конфликта* в тексте рецензируемого заключения, соответственно, выражает следующее **точное смысловое содержание**: **‘два разных мнения и (или) убеждения, заявленные представителями сторон конфликта в качестве основы их поведения’**.

Таким образом, рецензируемое заключение содержит вполне корректное суждение эксперта М. Н. Савосиной, в соответствии с которым в СТ представлены два существенно разных мнения, одно из которых (мнение представителей украинской стороны вооруженного конфликта, имеющего место в процессе проведения специальной военной операции, инициированной 24/II с. г. лицом, в настоящее время замещающим должность Президента Российской Федерации) объясняет происхождение информационных материалов, которые «нам показали» и которые изображают положение дел в Буче в период времени после вывода российских войск и возвращения указанного населенного пункта под контроль украинской стороны вооруженного конфликта.

По мнению украинской стороны, происхождение указанных информационных материалов объясняется тем, что они содержат изображений последствий действий Вооруженных Сил Российской Федерации. Эксперт вполне уместно цитирует на с. 11 рецензируемого заключения высказывания в составе СТ, описывающие эту точку зрения: «Украина публично обвинила российскую армию в военных преступлениях, по сути, в проведении карательной операции и расправы над гражданским населением Бучи», «И Зеленский, ну прям открыто заявил о том, что это была карательная операция, которая организована российской армией», «Украина говорит: «Послушайте, у нас весь город завален трупами».

По мнению стороны российской, «опубликованные фотографии и материалы – это фейки и провокация с украинской стороны» (с. 12 рецензируемого заключения). **Цитируемый экспертом фрагмент описания этой позиции в СТ в высокой степени соответствует содержанию представленного текста «Минобороны России опровергает обвинения киевского режима в якобы убийстве мирных жителей в населенном пункте Буча Киевской области»**, снабженного знаком охраны авторского права Министерства обороны Российской Федерации, размещенного 03/IV-2022 в 17⁵⁰ в глобальной информационно-телекоммуникационной сети общего пользования Интернет на официальном сайте Минобороны РФ. Каких-либо **несоответствий** содержанию указанного текста в описании позиции Минобороны, ее искажения в СТ **не наблюдается**, эта позиция лишь подвергается критической оценке.

По завершении описания изложения в СТ двух указанных мнений эксперт сообщает, что «диктор... предлагает разобраться в истинности этих двух позиций, сохраняя объективность» (с. 12; данное суждение эксперта соответствует действительному наблюдаемому содержанию СТ, является достоверным).

Затем эксперт описывает даваемую «диктором» характеристику позиции российской стороны как «тупой российской пропаганды» и приводит часть высказываний в составе СТ, содержащих критику этой позиции. При этом эксперт выбирает преимущественно оценочную составляющую критики, оставляя за пределами объема цитирования максимально приближенные к фактологическому уровню доводы, такие как:

- сведения о факте сбивания «Малазийского Боинга» над Донецком в 2014 году;
- сведения о появлении в Крыму «вооруженных в 2014 году без знаков отличия... Путин говорит, мы то здесь не причем и никакие не российские военнослужащие... Потом уже спустя время Путин признался, что это не просто были Российские военнослужащие не просто Российский спецназ, а Путин лично буквально в ручном режиме руководил и командовал»;
- фактические сведения о речевых действиях, лежащих в основе суждения о «Комсомольской правде» и об А. Коце как ее сотруднике как об органе

пропаганды и пропагандисте соответственно («он рассказал, что жители Украины на самом деле встречают российских солдат молочком, там чуть ли не цветами... После убийства Немцова, они всерьез писали, «Провели расследование», всерьез писали, что Немцов якобы заработал миллионы, чуть ли не миллиарды на нелегальной торговле оружием... Естественно, это никак, это больше ни где не появилось... ни одно другое издание это вообще не подхватило... Он не работает по обе стороны конфликта...»);

- фактические сведения о том, каким образом «Кремлевская пропаганда начала активно разоблачать те кадры, которые демонстрировало украинское телевидение, и которые в общем, показывали э... трупы на улицах Бучи... вот смотрите пропагандисты, на кадрах украинского телевидения обратили внимание на одно из тел, вот вы видите, мимо которого проезжает машина, и якобы видно, как мертвец поднимает руку и чешет нос... Вот если пересмотреть эти кадры в замедленной съемке – то прекрасно видно, что ни каких движений покойник не совершает. Это просто блик в зеркале, там на улице пасмурная погода и такой визуальный эффект возникает из-за капель дождя. Ну вот давайте внимательно посмотрим. Вот посмотрите...»);
- etc.

Отсутствие в рецензируемом заключении описания хода и результатов исследования фактологических компонентов информации, лежащих в основе выражаемой в СТ критики мнения российской стороны вооруженного конфликта, имеющего место в процессе проведения специальной военной операции, инициированной 24/II с. г. лицом, в настоящее время замещающим должность Президента Российской Федерации, о действительном происхождении информационных материалов, изображающих положение дел в Буче в период времени после вывода российских войск и возвращения указанного населенного пункта под контроль украинской стороны вооруженного конфликта, является специальным (методическим и с точки зрения теории и практики судебно-экспертной деятельности) **признаком несоответствия рецензируемого заключения принципу полноты судебно-экспертного исследования, закрепленному ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».**

Эксперт высказывает вполне корректные суждения о том, что:

- «приводимые примеры... ставят под сомнение истинность позиции, занимаемой российской стороной» (с. 12–13 рецензируемого заключения);
- «В то же время украинская точка зрения /позиция не вызывают у диктора сомнения» (с. 13 рецензируемого заключения).

Промежуточный вывод эксперта, основанный на этих суждениях, о том, что «диктор подводит зрителя к выводу, что субъектом действий, связанных с насилием, направленных на убийство мирных жителей г. Бучи, являются военнослужащие Вооруженных Сил Российской Федерации» (с. 13 рецензируемого заключения), также представляется корректным и надлежаще обоснованным.

Таким образом, в СТ:

- действительно представлено описание двух взаимоисключающих мнений сторон вооруженного конфликта, имеющего место в процессе проведения специальной военной операции, инициированной 24/II с. г. лицом, в настоящее время замещающим должность Президента Российской Федерации, о действительном происхождении информационных материалов, изображающих положение дел в Буче в период времени после вывода российских войск и возвращения указанного населенного пункта под контроль украинской стороны вооруженного конфликта;
- автор СТ действительно высказывает критику мнения («позиции / точки зрения») российской стороны, описывая позицию, в высокой степени соответствующую содержанию представленного текста «Минобороны России опровергает обвинения киевского режима в якобы убийстве мирных жителей в населенном пункте Буча Киевской области», снабженного знаком

охраны авторского права Министерства обороны Российской Федерации, размещенного 03/IV-2022 в 1750 в глобальной информационно-телекоммуникационной сети общего пользования Интернет на официальном сайте Минобороны РФ;

- позиция украинской стороны, объясняющей происхождение указанных информационных материалов тем, что они содержат фиксацию результатов преступлений, совершенных Вооруженными Силами РФ, действительно не подвергается в СТ критике;
- СТ действительно содержит пресуппозитивный вывод (форма вывода рассматривается в лингвистической экспертизе как особая разновидность выражения мнения, отражающая осознанно сформировавшееся мнение) о том, что именно позиция украинской стороны заслуживает доверия и тем самым отражает реальное положение дел.

Однако существенно заметить, что **эти свойства СТ не влияют и не могут повлиять на корректную квалификацию содержащегося в СТ описания позиции украинской стороны как ее точки зрения, или мнения, которое склонен разделить автор спорной видеофонограммы.**

4.4. На с. 13–14 рецензируемого заключения эксперт М. Н. Савосина вполне корректно описывает имеющиеся в составе СТ ссылки на источники распространяемой информации.

Однако, как показано в разделе 2 настоящего заключения, к числу обязательных экспертных задач, подлежащих решению в рамках судебной лингвистической экспертизы по делам данной категории, относится установление формы выражения распространенных сведений при решающем противополжении формы утверждения говорящего (автора спорного текста) о фактах, с одной стороны, различным формам выражения мнения (не допускающим возможности проверки выраженных в таких формах сведений на соответствие действительности) и, с другой стороны, форме утверждения о фактах со ссылкой на источник сведений (исключающей заведомость для говорящего ложного характера распространяемых им сведений).

То обстоятельство, что наличие ссылки на источник информации исключает заведомость для говорящего ложного характера распространяемых им сведений даже в случае, если эти сведения по результатам их верификации будут признаны ложными, является существенным фактором, с очевидностью имеющим значение для разрешения дела данной категории. Эксперт М. Н. Савосина при производстве экспертизы, по результатам которой составлено рецензируемое заключение, не воспользовалась предусмотренным действующим уголовно-процессуальным законодательством правом на экспертную инициативу, позволяющим эксперту отразить в выводах установленные в ходе экспертного исследования обстоятельства, имеющие значение для разрешения дела, в отношении которых вопросы перед экспертом не были поставлены, что в данном случае следует рассматривать как яркий специальный (с точки зрения теории и практики судебной экспертизы) **признак несоответствия рецензируемого заключения общей задаче судебно-экспертной деятельности**, установленной ст. 2 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

4.5. На с. 14 рецензируемого заключения эксперт М. Н. Савосина вполне корректно констатирует, что в составе СТ имеются определенные невербальные компоненты, каждый из которых «является обоснованием утверждения об осуществлении военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации убийств мирных жителей в г. Буче на территории Украины».

Существенно заметить при этом, что данное установленное экспертом обстоятельство свидетельствует о том, что выявленные экспертом «утверждения об осуществлении военно-

служащими Вооруженных Сил Российской Федерации убийств мирных жителей в г. Буче на территории Украины» имеют форму вывода: **наличие в тексте обоснования того или иного суждения является достаточным для квалификации этого суждения как вывода.** Вывод по определению является **выражением осознанно сформировавшегося мнения** и вне зависимости от утвердительной (категоричной) либо предположительной формы его выражения не допускает проверки на соответствие действительности и **не может рассматриваться как утверждение о фактах.**

Все формы мнения, в отличие от утверждения о фактах, представляют выражаемые в этих формах сведения как информацию не о реальном мире, а о субъективной картине мира, сложившейся (в случае вывода — сложившейся осознанно) в сознании говорящего. Данное обстоятельство с очевидностью имеет значение для разрешения дела данной категории. Эксперт М. Н. Савосина при производстве экспертизы, по результатам которой составлено рецензируемое заключение, не воспользовалась предусмотренным действующим уголовно-процессуальным законодательством правом на экспертную инициативу, позволяющим эксперту отразить в выводах установленные в ходе экспертного исследования обстоятельства, имеющие значение для разрешения дела, в отношении которых вопросы перед экспертом не были поставлены, что в данном случае следует рассматривать как яркий специальный (с точки зрения теории и практики судебно-экспертной деятельности) **признак несоответствия рецензируемого заключения общей задаче судебно-экспертной деятельности,** установленной ст. 2 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

4.6. На с. 14–15 рецензируемого заключения представлены промежуточные выводы эксперта по поставленным перед ней вопросам № 1, № 2 и № 3, затем непосредственно используемые при формулировании итоговых выводов заключения на с. 17, текстуально близких данным промежуточным выводам.

4.6.1. Согласно выводу эксперта М. Н. Савосиной, относящемуся к поставленному перед ней вопросу № 1, «в СТ содержатся утверждения об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации для убийства мирных жителей в г. Буче в ходе проведения специальной военной операции на территории Украины».

В ходе рецензирования и верификации суждений эксперта специалистом установлено, что выявленные экспертом М. Н. Савосиной высказывания действительно содержат выраженные в форме утверждений сведения о существовании информационных материалах, изображающих положение дел в Буче в период времени после вывода российских войск и возвращения указанного населенного пункта под контроль украинской стороны вооруженного конфликта.

Однако информация о том, что эти информационные материалы представляют собой фиксацию последствий действий военнослужащих Вооруженных Сил РФ, включая совершенные ими убийства мирных жителей в г. Буче, в действительности выражена в СТ в форме «позиции / точки зрения» — мнения украинской стороны конфликта и вывода, отражающего осознанно сформировавшееся мнение автора СТ. Вне зависимости от утвердительной либо предположительной формы выражения, информация в формах мнения не допускает проверки на соответствие действительности.

Таким образом, **вывод рецензируемого заключения по вопросу № 1 не является обоснованным, не является достоверным, а его содержание не соответствует общей задаче судебно-экспертной деятельности,** установленной ст. 2 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

4.6.2. Согласно выводу эксперта М. Н. Савосиной, относящемуся к поставленному перед ней вопросу № 2, «в СТ имеются ссылки на источник информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации для убийства мирных жителей в г. Буче Киевской области Украины в ходе проведения специальной военной операции на территории указанного государства».

В ходе рецензирования и верификации суждений эксперта специалистом установлено, что вывод рецензируемого заключения по вопросу № 2 **является обоснованным и достоверным**.

4.6.3. Согласно выводу эксперта М. Н. Савосиной, относящемуся к поставленному перед ней вопросу № 3, «в СТ имеются обоснования утверждений об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации для уничтожения мирных жителей в г. Буче Киевской области в ходе проведения специальной военной операции на территории Украины».

В ходе рецензирования и верификации суждений эксперта специалистом установлено, что вывод рецензируемого заключения по вопросу № 3 **является обоснованным и достоверным**. Данный вывод подчеркивает, что выявленные экспертом М. Н. Савосиной утверждения указанного содержания не являются утверждениями о фактах, представляют собой различные формы («позиция / точка зрения» и вывод) выражения мнения, что не допускает их проверки на соответствие действительности.

4.7. На с. 15–17 рецензируемого заключения представлены ход и результаты исследования по поставленному на разрешение эксперта М. Н. Савосиной вопросу № 4, в также ее промежуточные выводы по указанному вопросу, затем непосредственно используемые при формулировании итоговых выводов заключения на с. 17–18, текстуально близких данным промежуточным выводам.

Каждое из относящиеся к вопросу № 4 суждений эксперта является вполне верным с формальной точки зрения, имеет соответствующее обоснование и не вызывает каких-либо сомнений, однако в ходе исследования по вопросу № 4 эксперт М. Н. Савосина не принимает в рассмотрение ранее выявленные ею в составе СТ описание «точки зрения / позиции» российской стороны вооруженного конфликта, имеющего место в ходе специальной военной операции, о которой идет речь (с. 11–12 рецензируемого заключения). Как показано в подразделе 4.3 настоящей рецензии, цитируемый экспертом фрагмент описания этой позиции в СТ в высокой степени соответствует содержанию представленного текста «Минобороны России опровергает обвинения киевского режима в якобы убийстве мирных жителей в населенном пункте Буча Киевской области», снабженного знаком охраны авторского права Министерства обороны Российской Федерации, размещенного 03/IV-2022 в 17⁵⁰ в глобальной информационно-телекоммуникационной сети общего пользования Интернет на официальном сайте Минобороны РФ. Каких-либо несоответствий в описании указанной позиции содержанию указанного текста не наблюдается.

Таким образом, в ходе исследования по вопросу № 4 эксперт М. Н. Савосина приняла в рассмотрение только те свойства исследуемого ею фрагмента видеофонограммы, которые свидетельствовали в пользу отрицательного ответа на указанный вопрос, проигнорировав те ее свойства, которые свидетельствовали в пользу положительного ответа на него, что является ярким специальным (методическим и с точки зрения теории судебно-экспертной деятельности) **признаком грубого несоответствия рецензируемого заключения принципу всесторонности** судебно-экспертного исследования.

Следует также заметить, что описываемая на с. 11–12 рецензируемого заключения информация о позиции российской стороны конфликта, аналогичная и в высокой степени соответствующая сведениям, содержащимся в тексте «Минобороны России опровергает обвинения киевского режима в якобы убийстве мирных жителей в населенном пункте Буча Киевской области», справедливо и корректно характеризуется экспертом как «точка зрения / позиция» российской стороны конфликта.

Как показано в подразделе 4.3 настоящей рецензии, словосочетание *две точки зрения / две позиции представителей противоположных сторон конфликта* в тексте рецензируемого заключения, выражает следующее точное смысловое содержание: ‘два разных мнения и (или) убеждения, заявленные представителями сторон конфликта в качестве основы их поведения’.

С учетом изложенного, принимая во внимание общую задачу судебно-экспертной деятельности, определенную в ст. 2 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» как «оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении **обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу**, посредством разрешения вопросов, требующих **специальных знаний** в области науки, техники, искусства или ремесла», следует констатировать следующее:

- вопрос № 4, поставленный следствием на разрешение эксперта, не может иметь значения для разрешения уголовного дела данной категории;
- тот факт, что этот вопрос был поставлен следствием перед экспертом, представляет собой специальный научный (с точки зрения теории судебно-экспертной деятельности) и методический признак, свидетельствующий о предпринятой следствием попытке подмены процедуры верификации — проверки спорной информации на соответствие действительности — обычным сопоставлением этой информации с мнением третьих лиц;
- тот факт, что этот вопрос был поставлен на разрешение эксперта, а эксперт М. Н. Савосина дала на него ответ, создает угрозу введения правоприменителя (как следствия, так и суда) в заблуждение относительно подлинного истинностного статуса спорной информации, что может иметь решающее значение для исхода данного уголовного дела;
- тот факт, что этот вопрос был поставлен на разрешение эксперта, а эксперт дала на него ответ, представляет собой специальный научный (с точки зрения теории судебно-экспертной деятельности) и методический признак несоответствия рецензируемого заключения эксперта общей задаче судебно-экспертной деятельности, определенной в ст. 2 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

ВЫВОДЫ рецензента

(В настоящем заключении специалиста в форме научно-методической рецензии словосочетанием *рецензируемое заключение* обозначается заключение эксперта М. Н. Савосиной № СЭЦ-113/6/157л/22 от 17/VIII-2022)

1. Как показано в разделе 3 настоящей рецензии, применяемый в рецензируемом заключении **понятийный аппарат является неполным и недостаточным, не является адекватным одной из главных экспертных задач**, подлежащих обязательному решению в рамках лингвистической экспертизы по уголовным делам данной категории, — задаче установления формы выражения распространенных сведений **при решающем противоположении формы утверждения говорящего (автора спорного текста) о фактах различным формам выражения мнения** (не допускающим возможности проверки выраженных в таких формах сведений на соответствие действительности).

2. Как показано в подразделе 4.1 настоящей рецензии, при определении предмета исследования по поставленным перед экспертом вопросам №1 и №3 экспертом М. Н. Савосиной была допущена **подмена понятий**.

Игнорирование экспертом общей задачи судебно-экспертной деятельности, установленной ст. 2 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», привело к ошибочной трактовке содержания поставленных пе-

ред экспертом вопросов № 1 и № 3, а также к подмене понятий, которая с неизбежностью повлекла за собой создание угрозы введения правоприменителя (следствия и суда) в заблуждение относительно круга обстоятельств, имеющих значение для разрешения дела.

3. Как показано в подразделе 4.2 настоящей рецензии, **описание точного смыслового содержания** высказываний в составе СТ, в которых экспертом якобы обнаружены сведения о действиях ВС РФ, в рецензируемом заключении **существенно искажено**. Суждения эксперта о точном содержании сведений о действиях ВС РФ, якобы обнаруженных М. Н. Савосиной в СТ, **не являются обоснованными, являются недостоверными**. Отсутствие надлежащего обоснования и недостоверность этих выводов являются следствием **неполноты** проведенного экспертом М. Н. Савосиной исследования, в ходе которого **не был принят во внимание предыдущий контекст** рассмотренных ею высказываний.

4. Как показано в подразделе 4.3 настоящей рецензии, в рецензируемом заключении в описании исследований, проведенных экспертом по вопросу № 1, выявлен **признак несоответствия рецензируемого заключения принципу полноты** судебно-экспертного исследования, закрепленному ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

5. Как показано в подразделе 4.4 настоящей рецензии, в ходе исследования по поставленному перед экспертом М. Н. Савосиной вопросу № 2 эксперт вполне корректно описывает имеющиеся в составе СТ ссылки на источники распространяемой информации.

То обстоятельство, что наличие ссылки на источник информации исключает заведомость для говорящего ложного характера распространяемых им сведений даже в случае, если эти сведения по результатам их верификации будут признаны ложными, является существенным фактором, с очевидностью имеющим значение для разрешения дела данной категории. Эксперт М. Н. Савосина при производстве экспертизы, по результатам которой составлено рецензируемое заключение, не воспользовалась предусмотренным действующим уголовно-процессуальным законодательством правом на экспертную инициативу, позволяющим эксперту отразить в выводах установленные в ходе экспертного исследования обстоятельства, имеющие значение для разрешения дела, в отношении которых вопросы перед экспертом не были поставлены, что в данном случае следует рассматривать как яркий специальный (с точки зрения теории и практики судебно-экспертной деятельности) **признак несоответствия рецензируемого заключения общей задаче судебно-экспертной деятельности**, установленной ст. 2 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

6. Как показано в подразделе 4.6.1 настоящей рецензии, согласно выводу эксперта М. Н. Савосиной, относящемуся к поставленному перед ней вопросу № 1, «в СТ содержатся утверждения об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации для убийства мирных жителей в г. Буче в ходе проведения специальной военной операции на территории Украины».

В ходе рецензирования и верификации суждений эксперта специалистом установлено, что выявленные экспертом М. Н. Савосиной высказывания действительно содержат выраженные в форме утверждений сведения о существовании информационных материалах, изображающих положение дел в Буче в период времени после вывода российских войск и возвращения указанного населенного пункта под контроль украинской стороны вооруженного конфликта.

Однако информация о том, что эти информационные материалы представляют собой фиксацию последствий действий военнослужащих Вооруженных Сил РФ, включая совершенные ими убийства мирных жителей в г. Буче, в действительности выражена в СТ в форме «позиции / точки зрения» — мнения украинской стороны конфликта и в форме вывода, отражающего осознанно сформировавшееся мнение автора СТ. Вне зависимости от утвердительной либо предположительной формы выражения, информация в формах мнения не допускает проверки на соответствие действительности.

Таким образом, **вывод рецензируемого заключения по вопросу № 1 не является обоснованным, не является достоверным, а его содержание не соответствует общей задаче судебно-экспертной деятельности, установленной ст. 2 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».**

7. Как показано в подразделе 4.6.2 настоящей рецензии, вывод рецензируемого заключения по вопросу № 2 **является обоснованным и достоверным.**

8. Как показано в подразделе 4.6.3 настоящей рецензии, вывод рецензируемого заключения по вопросу № 3 **является обоснованным и достоверным.** Данный вывод подчеркивает, что **выявленные экспертом М. Н. Савосиной утверждения** в действительности **не являются утверждениями о фактах**, представляют собой различные формы («позиция / точка зрения» и вывод) **выражения мнения**, что не допускает их проверки на соответствие действительности.

9. Как показано в подразделе 4.7 настоящей рецензии, в ходе исследования по вопросу № 4 эксперт М. Н. Савосина приняла в рассмотрение только те свойства исследуемого ею фрагмента видеофонограммы, которые свидетельствовали в пользу отрицательного ответа на указанный вопрос, проигнорировав те ее свойства, которые свидетельствовали в пользу положительного ответа на него, что является ярким специальным (методическим и с точки зрения теории судебно-экспертной деятельности) **признаком грубого несоответствия рецензируемого заключения принципу всесторонности** судебно-экспертного исследования.

10. Как показано в подразделе 4.7 настоящей рецензии:

- **вопрос № 4**, поставленный следствием на разрешение эксперта, **не может иметь значения для разрешения уголовного дела данной категории;**
- тот факт, что этот вопрос был поставлен следствием перед экспертом, представляет собой специальный научный (с точки зрения теории судебно-экспертной деятельности) и методический **признак, свидетельствующий о предпринятой следствием попытке подмены процедуры верификации** —

проверки спорной информации на соответствие действительности — обычным сопоставлением этой информации с мнением третьих лиц;

- тот факт, что этот вопрос был поставлен на разрешение эксперта, а эксперт М. Н. Савосина дала на него ответ, создает **угрозу введения правоприменителя (как следствия, так и суда) в заблуждение** относительно подлинного истинностного статуса спорной информации, что может иметь решающее значение для исхода данного уголовного дела;
- тот факт, что этот вопрос был поставлен на разрешение эксперта, а эксперт дала на него ответ, представляет собой специальный научный (с точки зрения теории судебно-экспертной деятельности) и методический **признак несоответствия рецензируемого заключения эксперта общей задаче судебно-экспертной деятельности**, определенной в ст. 2 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

11. С учетом изложенного в п. 1–10 настоящего нумерованного списка, **рецензируемое заключение НЕ соответствует требованиям, предъявляемым к документам подобного рода.**

Приложение: копии документов, подтверждающих квалификацию специалиста, на 2 л.

Специалист

И. В. Жарков

**Приложение 1
к заключению специалиста № СЭ-177/22**

**СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНЫЙ ЦЕНТР СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

119311, Москва, ул. Строителей, д. 8, к. 2

тел. (495) 986-99-14
e-mail: sec@sledcom.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТА № СЭЦ-113/6-157л/22

Экспертиза начата: в 15:15 «25» июля 2022 года
Экспертиза окончена: в 14:30 «17» августа 2022 года

Место производства экспертизы: г. Москва, ул. Строителей, д. 8, к. 2,
служебные помещения отдела
фоноскопических и лингвистических
исследований федерального
государственного казенного учреждения
«Судебно-экспертный центр Следственного
комитета Российской Федерации»

Мне, эксперту Савосиной Марине Николаевне, занимающей должность старшего эксперта отдела фоноскопических и лингвистических исследований СЭЦ СК России, имеющей высшее филологическое образование, квалификацию судебного эксперта по специальности «Исследование текста в целях решения вопросов смыслового понимания», допуск на право самостоятельного производства судебных лингвистических экспертиз, стаж экспертной работы в области судебной лингвистики семнадцать лет, на основании постановления о назначении судебной лингвистической экспертизы, вынесенного 20.07.2022 следователем по особо важным делам Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации капитаном юстиции А.Ю. Пахомовым по материалам уголовного дела № 12202007703000788, поручено производство судебной лингвистической экспертизы.

Об ответственности за дачу заведомо ложного заключения по ст. 307 УК РФ предупреждена.

Обстоятельства уголовного дела известны эксперту в объеме, изложенном в постановлении о назначении экспертизы.

ВОПРОСЫ, ПОСТАВЛЕННЫЕ ПЕРЕД ЭКСПЕРТОМ:

1) «Имеются ли на отрезке с 26 мин. 51 сек. по 52 мин. 18 сек. представленной видеозаписи под названием: «Прямой эфир. Путину готовят трибунал. Ад встречает Жириновского. Хинштейн строчит доносы», скопированной на оптический диск, утверждения об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации?»

Эксперт М.Н. Савосина

Федерации для убийства мирных жителей в г. Буче Киевской области Украины в ходе проведения специальной военной операции на территории указанного государства?

2) Имеются ли на отрезке с 26 мин. 51 сек. по 52 мин. 18 сек. представленной видеозаписи под названием: «Прямой эфир. Путину готовят трибунал. Ад встречает Жириновского. Хинштейн строчит доносы», скопированной на оптический диск, ссылки на источник информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации для убийства мирных жителей в г. Буче Киевской области Украины в ходе проведения специальной военной операции на территории указанного государства?

3) Имеются ли на отрезке с 26 мин. 51 сек. по 52 мин. 18 сек. представленной видеозаписи под названием: «Прямой эфир. Путину готовят трибунал. Ад встречает Жириновского. Хинштейн строчит доносы», скопированной на оптический диск, обоснования утверждений об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации для убийства мирных жителей в г. Буче Киевской области Украины в ходе проведения специальной военной операции на территории указанного государства (статистические/динамические изображения, приведение статистических данных, риторические приемы и т.п.)?

4) Соответствует ли содержание утверждений на отрезке с 26 мин. 51 сек. по 52 мин. 18 сек. видеозаписи под названием: «Прямой эфир. Путину готовят трибунал. Ад встречает Жириновского. Хинштейн строчит доносы», скопированной на оптический диск, содержанию официальной информации Министерства обороны Российской Федерации от 03.04.2022?».

НА ЭКСПЕРТИЗУ ПРЕДСТАВЛЕНО:

(с № ВЦАсэц-1635-22/ от 25 июля 2022 г.)

- постановление от 20.07.2022 о назначении лингвистической судебной экспертизы;

- копия протокола осмотра предметов от 20.07.2022. на 12 л., с приложением - оптическим диском DVD-R, содержащим видеозапись под названием: «Прямой эфир. Путину готовят трибунал. Ад встречает Жириновского. Хинштейн строчит доносы», упакованным в бумажный конверт;

- заверенная копия рапорта от 12.07.2022 с приложением, всего на 2 л.

ОПИСАНИЕ ОБЪЕКТОВ, ПОСТУПИВШИХ НА ЭКСПЕРТИЗУ

Копия протокола осмотра предметов от 20.07.2022 по уголовному делу № 12202007703000788 поступила в неупакованном и заверенном виде, представлена на 12 листах формата А4, заполненных с одной стороны.

Копия рапорта следователя по особо важным делам Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации капитана юстиции А.Ю. Пахомова от 12 июля 2022 г. с приложением - копией «заявления Министерства обороны Российской Федерации на бумажном

Эксперт М.Н. Савосина

носителе» поступили в неупакованном и заверенном виде; всего на 2л. формата А4, заполненных с одной стороны.

Оптический диск с видеозаписью поступил на исследование в упакованном и опечатанном виде (далее – упаковка).

Упаковка – лист бумаги белого цвета, свернутый в виде конверта, размерами примерно 122×125 мм. На упаковку наклеен лист белой бумаги с пояснительными надписями, подписью следователя (иллюстрации 1, 2 иллюстрационной таблицы).

При вскрытии упаковки из неё был извлечён один оптический диск с поверхностью серебристого цвета. Вдоль посадочного отверстия диска имеются буквы и цифры, прочитанные экспертами как «PAP631YG20120741» (далее – диск). Повреждений рабочей поверхности диска визуалью не обнаружено (иллюстрация 3).

ИССЛЕДОВАНИЕ

При решении поставленных вопросов использовалось типовое рабочее место эксперта, в состав которого входят:

1. ПЭВМ Intel Core i5-3570K CPU, 3,40ГГц, ОЗУ 16 Гб.;
2. Операционная система «Microsoft Windows 7 Professional» производства «Microsoft»;
3. Прикладное программное обеспечение «Microsoft Office 2010» производства «Microsoft»;
4. Специальное программное обеспечение для криминалистического исследования фонограмм «OTExpert»;
5. Специальное программное обеспечение «Берилл»;
6. Внешняя звуковая карта Focusrite Saffire PRO 24;
7. Головные стереотелефоны «Beyerdynamic» DT-880 PRO;
8. Фотоаппарат зеркальный цифровой Canon Eos77D;
9. Репродукционная установка «Kaiser Fototechnik №5411+5464»;
10. Лазерный принтер «XEROX Phaser 3435».

Методические основы экспертизы

При решении поставленных вопросов использовались следующие методики:

Лингвистическая экспертиза: Лингвистическое исследование устных и письменных текстов / Т.В. Назарова, Е.А. Гримайло, Н.Ю. Мамаев, А.П. Коршиков, А.В. Ростовская // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I. – М.: ЭКЦ МВД России, 2010. – С. 243–292.

Лингвистическая экспертиза текстов, ограниченно пригодных для исследования: метод. рекомендации / Т.В. Назарова, Е.А. Гримайло, А.В. Громова, А.В. Ростовская, П.А. Манянин. – М.: ЭКЦ МВД России, 2018.

Эксперт М.Н. Савосина

В ходе исследования использовалась следующая литература:

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 1976.
2. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – М.: Аст-пресс, 2008.
3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб., 2002.
4. Большой толковый словарь русского языка: ок. 60000 слов / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2004.
5. Большой универсальный словарь русского языка / Гос. Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; под. ред. В.В. Морковкина. – М.: Словари XXI века, 2016.
6. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. – М., 2006.
7. Кузнецов С.А., Олейников С.М. Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство. – М., 2014.
8. Кукушкина О.В. Негативная информация: утверждение о факте или выражение мнения? // Теория и практика судебной экспертизы. – 2016. – № 3 (43). – С. 132-145.
9. Патрушева Л.С. Хештегирование как новый коммуникативный процесс // Вестник Удмуртского университета. – 2018. – Вып. 3. – С. 471-475.
10. Русская грамматика: в 2-х т. / АН СССР, Институт русского языка. – М.: Наука, 1980.
11. Сичинава Д.В. Части речи и лексико-грамматические классы // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Вып. III. – СПб., 2018 // URL: rusgram.ru. Дата обращения: 28.06.2022.
12. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.В. Дмитриева. – М.: АСТ, Астрель, 2003.
13. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб., 2004.

В процессе исследования и оформления могут использоваться следующие термины и определения:

Адресант – лицо, которому принадлежит речь (текст), отправитель речевого сообщения.

Адресат – реальное или мыслимое лицо, к которому обращена речь (текст), получатель речевого сообщения.

Высказывание в форме утверждения о факте – высказывание, пропозициональный компонент которого соотносится с действительностью.

Имплицитность – в информативно-коммуникативном аспекте как невербализованное информативное содержание, предназначенное для сообщения.

Эксперт М.Н. Савосина

Коммуникативная ситуация – конкретная ситуация общения, в которую входят партнеры по коммуникации, условия и способы реализации коммуникативной задачи.

Контекст (лат. contextus — тесная связь, соединение). Законченный в смысловом отношении отрезок письменной речи (текста), дающий возможность точно установить значение отдельного входящего в него слова или предложения.

Модальность – функционально-семантическая категория, определяющая разные виды отношения высказывания к действительности: объективная модальность («Люди счастливы – люди были счастливы – люди будут счастливы – люди были бы счастливы – пусть люди будут счастливы»), а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого – субъективная модальность («Люди, конечно, счастливы – люди, вероятно, счастливы – во-первых, люди счастливы»); выражается различными грамматическими и лексическими средствами – формами наклонения, модальными глаголами, интонацией и т.д.

Предикат – ведущий носитель заключенной в предложении мысли, часто совпадает со сказуемым.

Пресуппозиция – компонент общих знаний говорящего и слушающего.

Пропозиция – совокупность номинаций, отдельных ситуаций, отвлеченных от модального содержания. В состав пропозиции входят предикат, способный приобретать модальные и временные характеристики, и термы, которые являются логическим соответствием понятию актантов.

Референтная ситуация – значимая для коммуниканта (-тов) ситуация, о которой идет речь в происходящем разговоре и которая имела место в прошлом или планируется в будущем.

Сема – минимальный компонент значения слова.

Тема – это та часть предложения, которая обычно известна, очевидна, предопределена соответствующим контекстом; это исходная точка, отправной пункт высказывания; она актуально менее значима, чем рема. Рема – новое, неизвестное, то, ради чего строится предложение, т.е. ядро высказывания.

Оценка (категория оценки) – совокупность разноуровневых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи. Оценка характеризуется особой структурой – модальной рамкой, которая накладывается на высказывание и не совпадает ни с его логико-семантическим, ни с синтаксическим построением; элементы оценочной модальной рамки – субъект и объект, связанные оценочным предикатом. Субъект оценки (эксплицитный или имплицитный) – лицо или социум, с точки зрения которого дается оценка; объект оценки – лицо, предмет, событие или положение вещей, к которым относится оценка. Кроме того, в модальную рамку входят (как правило, имплицитно) шкала оценок и стереотипы, на которые ориентирована оценка в социальных представлениях коммуникантов.

Утверждение – высказывание, в котором утверждается что-либо и в котором отображается связь предмета и его признаков. Грамматически

Эксперт

М.Н. Савосина

утверждение выражается формой повествовательного предложения – как невосклицательного, так и восклицательного. Утверждение может содержать слова и словосочетания, подчеркивающие достоверность сообщаемого.

Факт — событие, происшествие или явление, существовавшее или существующее в действительности.

Эксплицитный – выраженный с помощью языковых средств, специально предназначенных для данного выражения. Противопоставлен имплицитному – выраженному косвенно, в скрытой форме.

С учетом специфики актуализации лексического, семантико-синтаксического, стилистического, формально-логического уровней устного текста были выбраны соответствующие лингвистические методы анализа предоставленных материалов:

- компонентный анализ (определение семного состава слова);
- лексико-семантический и семантико-синтаксический анализ (определение значения слов, словосочетаний, предложений в контексте высказывания и сверхфразового единства);
- анализ структурной организации текста (выявление и описание структурных единиц текста, их границ и способов оформления);
- логико-грамматический анализ или анализ пропозиций (определение логической основы семантической структуры предложения (предикат с набором актантов));
- лингвостилистический анализ стилистических ресурсов (выявление единиц языка, передающих различные коннотации (оценка, эмоции и др.) в процессе их реализации в конкретном тексте);
- грамматический анализ предложений, входящих в семантико-синтаксическую структуру высказывания (выявление грамматического значения на морфологическом и синтаксическом уровнях);
- дефиниционный анализ (изучение словарных определений исследуемых языковых единиц);
- концептуальный анализ (определение вербальных представителей ключевого понятия).

В исследовательской части заключения приняты следующие условные обозначения:

- меньшим шрифтом приведены цитируемые элементы текста;
- жирным шрифтом выделены компоненты текста, на которых акцентируется внимание при анализе;
- сноски на литературные источники в тексте данного заключения даны в квадратных скобках, внутри которых указан порядковый номер источника в данном списке литературы [№];
- знаком <...> обозначены купюры цитат.

Эксперт

М.Н. Савосина

Установление объектов исследования и их описание

В соответствии с вопросами постановления исследованию подлежит:

- представленная на диске видеозапись под названием «Прямой эфир. Путину готовят трибунал. Ад встречает Жириновского. Хинштейн строчит доносы» в указанных в постановлении границах: с 26 мин. 51 сек. по 52 мин. 18 сек (далее – спорный текст, СТ). Видеозапись доступна по ссылке: <https://www.youtu.be./d15dn5LYxLs>, опубликована 07.03.2022 пользователем ютуб-канала «Илья Яшин» в видеохостинге «YouTube». Видеозапись представляет собой устный монолог-обращение лица с мужским типом голоса. Длительность – 3 часа 34 мин 59 сек. Устный текст на видеозаписи сопровождается иллюстрирующим материалом (статические и динамические изображения), надписями на экране (письменный текст).

- «заявление Министерства обороны Российской Федерации» от 03.04.2022 (17:50), документ представляет собой письменный текст с указанием (ссылкой) на источник размещения информации.

Представленный на исследование материал (СТ) является комбинированным (поликодовым) текстом, так как сочетает вербальные (устный, письменный) и невербальные/наглядные (статические, динамические) компоненты текста, образующие одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, обеспечивающее его комплексное, прагматическое восприятие.

Таким образом, в соответствии с поставленными вопросами объектами исследования являются комбинированный (поликодовый) текст (далее – СТ) и текст заявления Министерства обороны Российской Федерации.

Описание, определение основных характеристик СТ и определение его пригодности для проведения лингвистического исследования

Анализ лингвистических характеристик представленного на исследование СТ показал следующее:

- спорный текст представлен собой устную речь диктора (монолог) на русском языке;

- спорный текст доступен для восприятия, имеет структурную организацию; лексические средства, употребленные в тексте, доступны для понимания;

- в СТ отмечается наличие невербального компонента, представляющего собой наглядные динамические и статические изображения, сопровождаемые письменным текстом;

- в целом спорный текст обладает эксплицитностью в степени, необходимой для понимания, также обладает смысловой, логической, формально-грамматической связанностью языковых единиц (компонентов), развивается последовательно, является цельным; смена микротем обусловлена их прагматической исчерпанностью;

Эксперт

М.Н. Савосина

- спорный текст обладает функционально-стилистическими характеристиками публицистического стиля речи, а также разговорного, реализует основные функции: информирующую и воздействующую.

Таким образом, СТ пригоден для лингвистического исследования.

Решение поставленных вопросов «1) Имеются ли на отрезке с 26 мин. 51 сек. по 52 мин. 18 сек. представленной видеозаписи под названием: «Прямой эфир. Путину готовят трибунал. Ад встречает Жириновского. Хинштейн строчит доносы», скопированной на оптический диск, утверждения об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации для убийства мирных жителей в г. Буче Киевской области Украины в ходе проведения специальной военной операции на территории указанного государства?

2) Имеются ли на отрезке с 26 мин. 51 сек. по 52 мин. 18 сек. представленной видеозаписи под названием: «Прямой эфир. Путину готовят трибунал. Ад встречает Жириновского. Хинштейн строчит доносы», скопированной на оптический диск, ссылки на источник информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации для убийства мирных жителей в г. Буче Киевской области Украины в ходе проведения специальной военной операции на территории указанного государства?

3) Имеются ли на отрезке с 26 мин. 51 сек. по 52 мин. 18 сек. представленной видеозаписи под названием: «Прямой эфир. Путину готовят трибунал. Ад встречает Жириновского. Хинштейн строчит доносы», скопированной на оптический диск, обоснования утверждений об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации для убийства мирных жителей в г. Буче Киевской области Украины в ходе проведения специальной военной операции на территории указанного государства (статистические/динамические изображения, приведение статистических данных, риторические приемы и т.п.)?»

При решении поставленных вопросов экспертом не проводилась проверка сообщаемой в исследуемом тексте информации на соответствие действительности.

Лингвистическое исследование проводилось поэтапно, в следующей последовательности:

1. Анализ коммуникативной ситуации, в которой реализован СТ.
2. Исследование СТ на предмет выявления:
  - высказываний, содержащих утверждения об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации для убийства мирных жителей в г. Буче Киевской области Украины в ходе проведения специальной военной операции на территории указанного государства;
  - ссылок на какой-либо источник информации о данном положении дел в СТ;
  - наличия обоснований утверждений о данном положении дел в СТ.

Эксперт М.Н. Савосина

Следует отметить, что в поставленных вопросах идет речь о наличии высказываний с утверждениями об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации. Под «информацией об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации» понимаются выраженные языковыми средствами сведения о событиях действительности, положении дел, которые связаны с Вооруженными Силами Российской Федерации, то есть называют их действия или результат действий.

1 этап

Установлены следующие значимые компоненты коммуникативной ситуации спорного текста (СТ): условия реализации текста, адресант текста, адресат текста.

Анализ коммуникативной ситуации СТ показал следующее:

- как следует из предоставленного протокола осмотра от 20.07.2022, СТ опубликован пользователем ютуб-канала «Илья Яшин» самим Ильей Яшиным в видеохостинге «YouTube»;

- адресантом СТ является пользователь ютуб-канала Илья Яшин, который опубликовал видеозапись с названием «Прямой эфир. Путину готовят трибунал. Ад встречает Жириновского. Хинштейн строчит доносы» на своем ютуб-канале который, согласно сведениям, представленным на скриншотах в протоколе, является его создателем/владельцем;

- адресатом СТ является широкий круг лиц, пользователи видеохостинга «YouTube», подписчики и посетители канала «Илья Яшин».

СТ построен в форме публичного обращения адресанта к адресату – неопределённому кругу лиц, так как в СТ отмечается:

- ориентация адресанта на широкую аудиторию, о чём свидетельствует употребление обращения («друзья»);

- привлечение внимания к общественно значимому вопросу;

- трёхчастная структура: вступление, в котором в качестве тезиса вынесен общественно значимый вопрос – тема последующего рассуждения; основная часть, включающая аргументацию; заключение, представляющее собой побуждение адресата к формулированию вывода – своей точки зрения на рассматриваемый вопрос;

- подготовленность речи;

- коммуникативная цель СТ – информирование адресата о некотором положении дел, обозначение своей точки зрения на эти события, формирование негативного отношения к предмету речи.

2 этап

В тексте идет речь о ситуации, сложившейся в ходе действий военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Украины. На то, что местом действия является территория Украины, указывает наименование/названия городов, приведенных в тексте - «Буча», «Киева», «Гостомель», которые входят в состав Украины.

Эксперт

М.Н. Савосина

Событие, о котором идёт речь в тексте видеозаписи, названо лексемами «война», «специальная военная операция» (данные понятия кореферентны, являются синонимами).

Война. 1.0. Организованная вооружённая борьба между государствами, народами или общественными группами внутри государства, которая сопровождается массовой гибелью людей, разрушениями, разгулом зла, а также крупномасштабная организованная вооружённая борьба с кем-чем-либо, направленная на достижение определённой цели [7].

То есть в СТ речь идёт о вооружённой борьбе, о военных, вооружённых (связанных с применением оружия) действиях, сопровождающихся гибелью людей, разрушениями. В СТ названы две стороны конфликта: украинская («украинская армия») и российская («российские Вооружённые Силы», «российские военные», «путинские войска», «российская армия»).

В результате проведенного лингвистического анализа было установлено наличие в СТ следующих высказываний, соответствующих критериям поиска.

«Те, кто не успел уехать, **прятались в подвале**, связь работала с перебоями, поэтому, в общем, мало кто понимал, что там на самом деле происходит. Но вот после отступления **путинских войск**, контроль над городом вернулся к украинской армии, и буквально сразу же нам показали жуткую картину городских улиц. На дороге **лежали трупы мирных жителей**, были **обнаружены братские могилы**, куда **сбрасывали гражданских и наспех присыпали их песком**. Все, абсолютно такая постапокалиптическая картина, знаете, как в фильмах ужасов. **Мертвые тела** там с открытыми глазами, с **завязанными за спиной руками**, в подвалах было обнаружено много **убитых гражданских**, и, действительно, у многих были **руки связаны за спиной**, а в затылках **обнаружены пулевые ранения**».

Пропозициональное содержание приведенного выше фрагмента включает ситуацию (положение дел), связанную с мирными жителями / гражданским населением города Бучи:

- мирным жителям, вынужденным «прятаться» в подвалах, препятствовали покинуть город и пользоваться сотовой связью (что вытекает из пресуппозиции высказывания «Те, кто не успел уехать, прятались в подвале, связь работала с перебоями, поэтому, в общем, мало кто понимал, что там на самом деле происходит»);

- мирных жителей убивали, безжизненные тела убитых мирных жителей сбрасывали в братские могилы, наспех присыпанные песком («На дороге **лежали трупы мирных жителей**, были **обнаружены братские могилы**, куда **сбрасывали гражданских и наспех присыпали их песком**»);

- мирные жители подвергались в подвалах насилию (им связывали за спиной руки, расстреливали в затылок), так как были обнаружены мертвые тела «с открытыми глазами, с **завязанными за спиной руками**», с пулевыми ранениями в затылках («**Мертвые тела** там с открытыми глазами, с **завязанными за спиной руками**, в

Эксперт

М.Н. Савосина

подвалах было обнаружено много **убитых гражданских**, и, действительно, у многих были **руки связаны за спиной**, а в затылках обнаружены **пулевые ранения**»).

В анализируемом фрагменте актуализирован смысловой компонент *'имели место действия деструктивного (негативного) характера, направленные на уничтожение /убийства мирных жителей'*, соответствующий утверждению о неких фактах. Конкретизация фактов содержится в приводимых конструкциях: повествовательных невосклицательных предложениях. В тексте указывается город, в котором осуществлялись действия – город Буча Киевской области («Речь разумеется про **Бучу**. Это населенный пункт примерно в 30 километрах от Киева, даже чуть меньше, и до войны там проживало меньше 37 тысяч человек, ну то есть, действительно, совсем небольшой такой, очень уютный украинский городок, жил тихой жизнью, жизнью тихого пригорода, а теперь Буча - это такое нарицательное название, название города, который сейчас буквально на слуху у всей мировой прессы»).

Указанные действия осуществлялись в период после начала специальной военной операции на территории Украины, а именно: после выхода Вооруженных Сил Российской Федерации из города Бучи («после отступления **путинских войск**, контроль над городом вернулся к украинской армии, и буквально сразу же нам показали жуткую картину городских улиц»).

Отсутствие в исследуемом фрагменте маркеров субъективной модальности, а также соответствующее семантическое наполнение высказываний свидетельствуют о том, что ситуация представлена в форме утверждения о фактах и ее можно верифицировать (проверить сообщения на соответствие действительности), т.е. лексико-синтаксическая структура высказываний соответствует форме утверждения; содержанием высказываний является описание конкретных потенциально наблюдаемых фактов. (Одним из главных признаков факта является критерий наблюдаемости – принадлежность события или действия к физической сфере, теоретическая возможность наблюдателя удостовериться в произошедшем [8]).

В анализируемом фрагменте СТ субъект действий, результатом которых явилась смерть/гибель мирных жителей, диктором явно не указан. Илья Яшин приводит две точки зрения / две позиции представителей противоположных сторон конфликта в определении субъекта действий:

- первая сторона - украинская – обвиняет в убийстве мирных жителей города Бучи российскую армию, т.е. субъектом действий по мнению данной стороны являются Вооруженные Силы Российской Федерации («Украина публично обвинила **российскую армию** в военных преступлениях, по сути, в проведении **карательной операции и расправы** над гражданским населением Бучи», «И Зеленский, ну прям открыто заявил о том, что это была **карательная операция**, которая организована **российской армией**», «Украина говорит: «Послушайте, у нас весь город завален **трупами мирных жителей**. Ваши каратели этих людей поубивали»»);

- вторая сторона – **украинская** – опровергает информацию, данную украинской стороной (**«отрицает»**): **«российская сторона все отрицает».**

Эксперт М.Н. Савосина

Министерство обороны заявляет о том, что ни один житель города Бучи не пострадал от каких-либо насильственных действий, и что опубликованные фотография и видеоматериалы - это фейки и провокация с украинской стороны («но Кремль, разумеется, все обвинения в военных преступлениях официально **отверг**, и просто для того, чтобы сохранить **объективность**, давайте я зачитаю, что было сказано в заявлении Министерства обороны Российской Федерации. И так, вот позиция, официальная позиция руководства России, которая была озвучена Министерством обороны нашей страны. «За время нахождения Бучи под контролем российских военных ни один местный житель **не пострадал от каких-либо насильственных действий**. Все опубликованные Киевом фотографии и видеоматериалы, якобы свидетельствующие о каких-то в кавычках преступлениях российских военнослужащих в городе Буча Киевской области, являются **постановкой и очередной провокацией**», «Министерство обороны отвечает: «Мы здесь не причем, это все провокация, это все постановка. Наши **военнослужащие** никого не убивали из мирных жителей, никакого насилия с нашей стороны не было», «<...> никаких преступлений российская армия не совершала, все эти мертвые люди - это постановочные фото, которые направлены на то, чтобы очернить Путина, дискредитировать российскую армию, ну, то есть, вот провокация», «Министерство обороны, напомним, заявило о том, что **все эти трупы в Буче - это постановка, провокация и не стоит вообще доверять той картинке, тем фотографиям и видеоматериалам, которые публикуют украинские СМИ**. И вот Кремлевская пропаганда начала активно разоблачать те кадры, которые демонстрировало украинское телевидение, и которые, в общем, показывали трупы на улицах Бучи. Эти разоблачения сводились к тому, что это на самом деле **не трупы, а просто актеры**, которые, изображали мертвых людей»).

Называя точки зрения обеих сторон «информационной войной», диктор задается вопросом «Вот как разобраться где здесь правда?» и предлагает разобраться в истинности этих двух позиций, сохраняя объективность. Илья Яшин предлагает изучить аргументацию обеих сторон: «Вот давайте попробуем, сохраняя, опять же, объективность, давайте вот просто **изучим аргументацию обеих сторон**».

Однако «аргументация» позиции российской стороны, представленной Кремлем, российской властью, В.В. Путиным, Министерством обороны, журналистом «Комсомольской правды» А. Коцем, характеризуется диктором «тупой российской пропагандой» и ставится под сомнение:

«Вы понимаете, то есть, вот реально, это **стилистика**, когда **взять какую-то чушь**, да, и, я не знаю, честно говоря, мне кажется, вот эти вот **пропагандисты**, которые **пытаются такие вот лже-разоблачения** публиковать, мне кажется, они только хуже делают, да, потому что когда, вот такого **помоечного уровня предлагаются разоблачения**, то, ну, как бы у людей, мне кажется, возникает просто мысль о том, что здесь точно что-то не так, да. Это вот точно **не выдерживает никакой критики**, и раз они используют вот такие фейки, то, **ну как можно этим людям доверять**», «<...> то есть идет такая очень **тупая, прямолинейная пропаганда**, вот на том уровне, который я вам показал, когда, вот там, берутся какие-то кадры и **реально просто высасывается из пальца то, чего нет**», «**Тупая пропаганда, тупое запугивание уголовными делами**».

Приводимые примеры, отрицательно характеризующие В.В. Путина, «российскую власть¹», журналиста А. Коца², как лиц лживых, не внушающих

¹ Фрагмент из текста: «Но **российская власть** в этом смысле вообще **не умеет тонко действовать**, да, она всегда действует довольно топорно, то есть идет такая очень **тупая**,

доверия, чьим словам не следует доверять, создают негативный образ представителей российской стороны, и тем самым ставят под сомнение истинность позиции, занимаемой российской стороной.

В тоже время украинская точка зрения /позиция не вызывает у диктора сомнения.

Таким образом, негативно оценивая представителей российской стороны, характеризуя российскую позицию «тупой пропагандой» «низкого уровня», которой не следует верить: «ну как можно этим людям доверять?!», диктор подводит зрителя к выводу, что субъектом действий, связанных с насилием, направленных на убийства мирных жителей г. Бучи, являются военнослужащие Вооруженных Сил Российской Федерации.

3. этап.

Ссылками на источник информации об использовании Вооружённых Сил Российской Федерации для уничтожения гражданского населения в ходе проведения специальной военной операции на территории Украины служат приведенные в тексте динамические фрагменты видеозаписей: 1) репортажа «ВВС» («но давайте посмотрим небольшой отрывок репортажа Би-Би-Си из Бучи после возвращения туда украинских военных. Туда приехали корреспонденты практически всех мировых СМИ, но вот **небольшой отрывочек**, буквально минуту, из репортажа Би-Би-Си для того, чтобы понимать вообще, как выглядит город на сегодняшний, ну вот выглядел город в последние дни, вот для того, чтобы появилось такое впечатление, давайте посмотрим **небольшой отрывок из репортажа Би-Би-Си**, минута и 5 секунд, внимание на экран» *Далее демонстрируется фрагмент видео репортажа «ВВС» на отрезке видеоролика с 31 мин. 07 сек. по 32 мин. 14 сек.*), 2) кадры украинского телевидения «ESPRESO.TV», которые активно разошлись по разным телеграм-каналам («Вот смотрите, пропагандисты на **кадрах украинского телевидения** обратили внимание на одно из тел, вот вы видите, мимо которого проезжает машина, и, якобы видно, как мертвец поднимает руку и

прямолинейная пропаганда, вот на том уровне, который я вам показал, когда, вот там, берутся какие-то кадры и реально просто высасывается из пальца то, чего нет.

² Фрагменты из текста: «Проблема только в том, что Александр Коц не является **никаким журналистом**. Это прям такой одиозный **пропагандист**, который работает, как я уже сказал, на любимую «путинскую газету», под названием «Комсомольская правда» <...> Она [газета] когда-то была таким большим, солидным изданием, а сейчас, ну, с моей точки зрения, это просто такая абсолютно попойка пропагандистская, которую даже в руках держать противно»,

«Вот, и сам Коц с первого дня войны, ещё в четырнадцатом году гнал, ну в общем-то, **откровенную пропаганду**, являясь фактически **не журналистом**, а, ну по сути, **солдатом информационной войны**, да»,

«<...> потому что **все понимают**, да, этот человек **не занимается объективным**, там, **освещением войны**, да, он **не работает по обе стороны конфликта**, он является такой **частью информационной пропагандистской машины**, а современная война - это всегда, в том числе, война пропаганды»,

«И поэтому воспринимать Коца, ну просто, вот, там, **ответного пропагандиста**, как человека, **на мнение которого можно опираться в таком серьезном вопросе, как трагедия в Буче**, ну честно говоря - **это просто несерьезно**, потому что его **рассказы, ну реально стоят там, дешевле чем бумага**, на которой напечатаны эти рассказы».

чесет нос. Вот прям это активно разошлось по разным телеграм-каналам, по-моему, на телевидении даже это показывали, что, ну вот видите, яркое доказательство того, что спалились!»).

Также на видеозаписи в указанных границах (СТ) имеются следующие речевые маркеры, указывающие на неопределенный источник информации:

- кадры, имеющиеся «в свободном доступе» Интернета («опять же, не хочу показывать вам мертвые тела, потому что все интересующиеся уже либо нашли эти кадры, либо могут найти, они в избытке находятся в свободном доступе»);

- мировые газеты, мировая пресса («а теперь Буча - это такое нарицательное название, название города, который сейчас буквально на слуху у всей **мировой прессы**», «Первые страницы всех **мировых газет вышли с кадрами из Бучи**, иностранные телеканалы подробно освещали эту новость, собственно, с Бучи начинались новости практически по всей планете. И на место трагедии приехал президент Зеленский, которого сопровождала-, тоже в общем, представители практически всей **мировой прессы**»);

- фотографии, видеокадры «в российских соцсетях» («Ну, разумеется, события в Буче вызвали огромную волну возмущения и среди российских противников войны, потому что шило в мешке не утаишь и **фотографии, видеокадры с убитыми украинцами массово разошлись в российских соцсетях**»).

4 этап.

Как показало проведенное исследование, в составе представленной на исследование видеозаписи имеются динамические изображения – фрагмент видеозаписи репортажа «BBC» и кадры украинского телевидения ESPRESO.TV, демонстрирующие происходящее в городе Буче: лежащие на земле, на проезжей части тела людей, разрушенные здания, техника, автомашины. Вербальный и невербальный компоненты являются неотъемлемыми частями единого (комбинированного/поликодового) текста, формируют смысл его высказывания в целом, соответственно, невербальный компонент служит для подтверждения сказанного адресантом и является обоснованием утверждения об осуществлении военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации убийств мирных жителей в г. Буче на территории Украины.

* * *

Таким образом, в СТ **содержатся утверждения** об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации для убийства мирных жителей в г. Буче в ходе проведения специальной военной операции на территории Украины.

В СТ **имеются ссылки на источник информации** об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации для убийства мирных жителей в г. Буче Киевской области Украины в ходе проведения специальной военной операции на территории указанного государства - репортажа «BBC», кадры украинского телевидения «ESPRESO.TV». Также на видеозаписи в указанных границах имеются маркеры, указывающие на неопределенный источник информации (кадры из свободного доступа Интернета, фотографии, видеокадры «в российских соцсетях», мировые газеты, мировая пресса).

В СТ **имеются обоснования** утверждений об использовании Вооружённых Сил Российской Федерации для уничтожения мирных жителей в г. Буче Киевской области в ходе проведения специальной военной операции на

Эксперт

14

М.Н. Савосина

территории Украины. Данные утверждения обоснованы с помощью динамических изображений: фрагмента видеозаписи репортажа «BBC» и кадров украинского телевидения «ESPRESSO.TV».

Решение вопроса 4: «Соответствует ли содержание утверждений на отрезке с 26 мин. 51 сек. по 52 мин. 18 сек. видеозаписи под названием: «Прямой эфир. Путину готовят трибунал. Ад встречает Жириновского. Хинштейн строчит доносы», скопированной на оптический диск, содержанию официальной информации Министерства обороны Российской Федерации от 03.04.2022?»

Далее содержание высказываний в анализируемом тексте видеозаписи «Прямой эфир. Путину готовят трибунал. Ад встречает Жириновского. Хинштейн строчит доносы» (в указанных в постановлении границах), которые представлены в форме утверждения о факте об использовании Вооружённых Сил Российской Федерации для убийства мирных жителей в г. Буче Киевской области Украины в ходе проведения специальной военной операции на территории указанного государства, сравнивалось с содержанием текста заявления, размещённого на официальном интернет-сайте Министерства обороны от 03.04.2022 по адресу: https://function.mil/ru/news_page/country/more.htm?id=12415918@egNews&_print=true и представленного на исследование к рапорту следователя в виде документа – «заявление Министерства обороны Российской Федерации».

В тексте заявления, содержащего официальную информацию Министерства обороны Российской Федерации от 03.04.2022, содержится следующая информация:

- действия Вооружённых Сил Российской Федерации не направлены на уничтожение (убийства, расправы, расстрелы местных жителей со связанными руками) и насилие мирных жителей в г. Буче Киевской области Украины: «За время нахождения данного населенного пункта под контролем российских вооруженных сил, ни один местный житель не пострадал от каких-либо насильственных действий», «Более того, 31 марта, мэр г. Буча Анатолий Федорук в своем видеообращении подтвердил, что в городе никого из российских военных нет, но даже не упоминал о каких-либо расстрелянных на улицах местных жителей со связанными руками»;

- военнослужащими Вооружённых Сил Российской Федерации выдано 452 тонны гуманитарной помощи («В населенные пункты киевской области российскими военнослужащими было доставлено и выдано мирным жителям 452 тонны гуманитарной помощи»);

- военнослужащими Вооружённых Сил Российской Федерации не допущено воспрепятствование местным жителям г. Бучи передвижения по городу и пользования сотовой связью, а также блокирования выезда за пределы населенного пункта («Все время, пока город находился под контролем российских вооруженных сил и, тем более после, вплоть до сегодняшнего дня, в Буче местные жители свободно передвигались по городу и пользовались сотовой связью. Выезды из города

Эксперт М.Н. Савосина

Буча не блокировались. Все местные жители имели возможность свободного выезда из населённого пункта в северном направлении, в том числе в Республику Беларусь»);

- опубликованные «киевским режимом» фотографии и видеоматериалы, якобы свидетельствующие о противоправных действиях российских военнослужащих (об убийствах мирных жителей) в городе Буче на территории Украины являются постановкой для западных СМИ и провокацией: «Все опубликованные киевским режимом фотографии и видеоматериалы, якобы свидетельствующие о каких-то «преступлениях» российских военнослужащих в городе Буча Киевской области являются очередной провокацией», «фотографии и видеоклипы из Бучи - очередная постановка киевского режима для западных СМИ, как было в Мариуполе с роддомом, а также в других городах».

При сопоставлении информации в высказываниях на видеозаписи под названием «Прямой эфир. Путину готовят трибунал. Ад встречает Жириновского. Хинштейн строчит доносы» в указанных границах с информацией, содержащейся в тексте заявления Министерства обороны Российской Федерации от 03.04.2022 установлено наличие несоответствий.

В СТ содержится информация о том, что Вооружённые Силы Российской Федерации используются для уничтожения/убийства мирных жителей города Буча на территории Украины, что **не соответствует** информации, содержащейся в тексте заявления Министерства обороны от 03.04.2022, о том, что военнослужащими Вооружённых Сил Российской Федерации не допускалось убийств мирных жителей в г. Буче Киевской области Украины.

Также в СТ содержится информация о том, что военнослужащие Вооружённых Сил Российской Федерации препятствовали мирным жителям покинуть город Бучу и пользоваться сотовой связью, что **не соответствует** информации, содержащейся в тексте заявления Министерства обороны от 03.04.2022, о том, что военнослужащими Вооружённых Сил Российской Федерации не допущено воспрепятствование местным жителям г. Бучи передвижения по городу и пользования сотовой связью, а также блокирования выезда за пределы населенного пункта.

Таким образом, информация, содержащаяся в высказываниях на видеозаписи в указанных границах (СТ), представленных в форме утверждения о фактах, о том, что:

- Вооружённые Силы Российской Федерации используются для уничтожения / убийства мирных жителей в городе Буче на территории Украины (СТ), **не соответствует** информации, содержащейся в тексте заявления Министерства обороны Российской Федерации от 03.04.2022, размещённого на официальном интернет-сайте Министерства обороны по адресу: https://function.mil/ru/news_page/country/more.htm?id=12415918@egNews&_print=true;

- военнослужащие Вооружённых Сил Российской Федерации препятствовали мирным жителям покинуть город Бучу и пользоваться сотовой

Эксперт М.И. Савосина

связью, что **не соответствует** информации, содержащейся в тексте заявления Министерства обороны от 03.04.2022, о том, что военнослужащими Вооружённых Сил Российской Федерации не допущено воспрепятствование местным жителям г. Бучи передвижения по городу и пользования сотовой связью, а также блокирования выезда за пределы населенного пункта.

ВЫВОДЫ:

1. В тексте видеозаписи под названием: «Прямой эфир. Путину готовят трибунал. Ад встречает Жириновского. Хинштейн строчит доносы», скопированной на оптический диск, в указанных границах (СТ), имеются утверждения об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации для убийства мирных жителей в г. Буче Киевской области Украины в ходе проведения специальной военной операции на территории указанного государства.

2. В тексте видеозаписи под названием: «Прямой эфир. Путину готовят трибунал. Ад встречает Жириновского. Хинштейн строчит доносы», скопированной на оптический диск, в указанных границах (СТ), имеются ссылки на источник информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации для убийства мирных жителей в г. Буче Киевской области Украины в ходе проведения специальной военной операции на территории указанного государства. Такими ссылками являются репортаж «BBC», кадры украинского телевидения «ESPRESO.TV». Также на видеозаписи в указанных границах имеются маркеры, указывающие на неопределенный источник информации (кадры из свободного доступа Интернета, фотографии, видеокadres «в российских соцсетях», мировые газеты, мировая пресса).

3. В тексте видеозаписи под названием: «Прямой эфир. Путину готовят трибунал. Ад встречает Жириновского. Хинштейн строчит доносы», скопированной на оптический диск, в указанных границах (СТ) имеются обоснования утверждений об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации для убийства мирных жителей в г. Буче Киевской области Украины в ходе проведения специальной военной операции на территории указанного государства (данные утверждения обоснованы с помощью динамических изображений - фрагмента видеозаписи репортажа «BBC» и кадров украинского телевидения ESPRESO.TV.).

4. Информация, содержащаяся в высказываниях на видеозаписи под названием: «Прямой эфир. Путину готовят трибунал. Ад встречает Жириновского. Хинштейн строчит доносы», в указанных границах, представленных в форме утверждения о фактах, о том, что Вооружённые Силы Российской Федерации используются для убийства мирных жителей в г. Буче Киевской области Украины в ходе проведения специальной военной операции на территории указанного государства, **не соответствует** информации, содержащейся в тексте заявления Министерства обороны Российской Федерации, размещённого на официальном интернет-сайте по адресу:

Эксперт М.Н. Савосина

https://function.mil/ru/news_page/country/more.htm?id=12415918@egNews&_print=true от 03.04.2022, и прилагаемого к рапорту следователя.

Также в тексте видеозаписи содержится информация о том, что военнослужащие Вооружённых Сил Российской Федерации препятствовали мирным жителям покинуть город Бучу и пользоваться сотовой связью, что **не соответствует** информации, содержащейся в тексте заявления Министерства обороны от 03.04.2022 г., о том, что военнослужащими Вооружённых Сил Российской Федерации не допущено воспрепятствование местным жителям г. Бучи передвижения по городу и пользования сотовой связью, а также блокирования выезда за пределы населенного пункта.

Эксперт

М.Н. Савосина

Приложение 2

Стенограмма допроса специалиста И. В. Жаркова в судебном заседании 30/XI-2022

Защитник — адвокат М. О. Эйсмонт: Скажите, пожалуйста, какие материалы, для протокола, какие материалы Вам были представлены на исследование, какие материалы по настоящему делу вы видели и какое исследование вы проводили?

Специалист И. В. Жарков: Первоначально были представлены материалы следующие: постановление о возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного пунктом «д» части второй статьи 207.3 УК от 12 июня 2022 года; рапорт следователя Пахомова от 12 июля, адресованный руководителю отдела по расследованию киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологий управления по расследованию отдельных видов преступлений ГСУ СКР с приложением распечатки текста «Минобороны России опровергает обвинения киевского режима в якобы убийстве мирных жителей в населенном пункте Буча Киевской области», снабженного знаком охраны авторского права Министерства обороны Российской Федерации, размещенного, согласно информации, содержащейся в рапорте, к которому эта распечатка приложена, 3 апреля 2022 года в 17:50 на официальном сайте Минобороны РФ по определенному адресу; акт осмотра интернет-ресурса за 11 июля; постановление о назначении лингвистической судебной экспертизы от 20 июля, вынесенное следователем Пахомовым; заключение эксперта Савосиной от 17 августа и протокол допроса эксперта Савосиной, составленный 30 августа. Это вот на этапе подготовки заключения эти материалы были мне доступны. В порядке подготовки к судебному заседанию я видел 5 томов уголовного дела, обвинительное заключение и прослушал аудиозапись вчерашнего судебного заседания.

Адвокат Эйсмонт: Хорошо. Скажите, пожалуйста, на какие вопросы Вы отвечали в своем экспертном заключении? В заключении специалиста, будем называть это, поскольку, будучи экспертом, вы все-таки с процессуальной точки зрения являетесь специалистом, приглашенным стороной защиты.

Специалист Жарков: Вопросы были сформулированы в форме подлежащих решению задач: дать специальную оценку, лингвистическую и с точки зрения теории судебно-экспертной деятельности, обоснованности выводов эксперта Савосиной, представленных в заключении эксперта номер СЭЦ-113/6/157л/22 от 17 августа 2022 года, дать специальную оценку, лингвистическую и с точки зрения теории судебно-экспертной деятельности, достоверности выводов эксперта, представленных в этом заключении, и дать специальную оценку, лингвистическую и с точки зрения теории судебно-экспертной деятельности, соответствия представленного заключения эксперта Савосиной требованиям, предъявляемым к документам подобного рода.

Адвокат Эйсмонт: Прежде чем перейти к выводам вашего заключения, скажите, пожалуйста, поскольку вы знакомы с материалом, который и вы, и эксперт Савосина исследовали, каждый по-своему, а именно со стримом на ютуб-канале Ильи Яшина, какие утверждения о фактах присутствуют в этом стриме, а именно в том куске, который исследовался и вами, и экспертом Савосиной, я его просто для протокола скажу с 26 по 52 минуту, какие утверждения о фактах присутствуют и присутствуют ли утверждения о фактах, касающихся использования вооруженных сил Российской Федерации?

Специалист Жарков: Если говорить об информации, так или иначе касающейся Вооруженных Сил Российской Федерации, в качестве авторского утверждения о фактах можно рассматривать исключительно сведения о том, что после ухода российских вооруженных сил из города Буча Киевской области Республики Украины общественности со стороны киевских властей и разнообразных СМИ были предъявлены многочисленные фотографии и видео, на которых присутствовали трупы со следами насилия, разрушенные объекты недвижимости и т. д. и т. п. Вот, собственно, это то утверждение о фактах, которое имеется в спорной видеофонограмме, в ее блоке, подвергнутом исследованию экспертом Савосиной. Что касается утверждений об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, там информация, которая была бы выражена в форме утверждения о фактах, просто отсутствует. Собственно говоря, если позволите, немножко подробнее разовью эту мысль. Эксперт Савосина усматривает информацию об использовании Вооруженных Сил РФ в совершенно определенном фрагменте речевого содержания видеофонограммы, который она приводит в своем заключении на странице, если не ошибаюсь, 10. Фрагмент собственно речевого содержания видеофонограммы, который она характеризует как высказывания, удовлетворяющие условиям поиска. То есть она сформулировала определенные условия поиска, подлежащие установлению, исходя из формулировки поставленных перед ней вопросов, и на странице 10 она приводит блок текста, который начинается словами «Те, кто не успел уехать, прятались в подвале, связь работала с перебоями» и так далее, и заканчивается словами «а в затылках обнаружены пулевые ранения». Собственно говоря, это единственный фрагмент, где она усматривает утверждение о фактах использования Вооруженных Сил РФ. Однако в действительности формулировка «использование Вооруженных Сил РФ» с точки зрения норм и правил государственного языка Российской Федерации, современного русского литературного языка как государственного языка РФ, обозначает осознанные целенаправленные действия, когда некий субъект получает от организации «Вооруженные Силы РФ» некие услуги. Это называется словом «использование» в современном русском языке. Соответственно, далеко не любые действия Вооруженных Сил являются... Скажем так, не любые сведения о Вооруженных Силах являются сведениями об использовании Вооруженных Сил. И даже не любые сведения о действиях Вооруженных Сил являются сведениями об использовании Вооруженных Сил. Специальная военная операция, о которой идет речь, инициированная в феврале сего года, инициирована субъектом — Президентом Российской Федерации — соответственно, субъектом использования является Президент. В том случае, если действия Вооруженных Сил, о которых идет речь, соответствуют замыслу субъекта, совершаются прямо или косвенно в силу его волеизъявления, их можно рассматривать как использование Вооруженных Сил РФ этим субъектом. В тех случаях, когда эти действия происходят помимо замыслов, планов этого субъекта, это не является использованием. Это прежде всего то, что касается понятия «использование Вооруженных Сил РФ». Далее. Не всякая «информация о действиях или результате действий» — это цитата из заключения Савосиной, вот она считает, что подлежала обнаружению в исследуемом ею тексте «информация о действиях или результате действий Вооруженных Сил РФ», — не всякая такая информация в действительности является информацией об использовании Вооруженных Сил РФ. Значимыми для разрешения дела данной категории могут быть сведения только о таких действиях Вооруженных Сил,

которые являются частью процесса осознанного и целенаправленного получения субъектом услуг от Вооруженных Сил РФ, а не побочным эффектом их использования. Обращаясь непосредственно к тому фрагменту текстовому, где эксперт Савосина обнаруживает утверждение о фактах, мы видим, что, по мнению эксперта, высказывание «Те, кто не успел уехать, спрятались в подвале, связь работала с перебоями, поэтому, в общем, мало кто понимает, что там на самом деле происходит» характеризуется пресуппозицией, в соответствии с которой мирным жителям, вынужденным прятаться в подвалах, препятствовали покинуть город и пользоваться сотовой связью. Хотелось бы обратить внимание, что на странице 5 заключения Савосиной дается определение термина «пресуппозиция». Оно возможное, но, скажем так, это самое общее определение, которое, с моей точки зрения, недостаточно конкретизировано. Это, безусловно, недостаток, но не критичный в данном случае. «Пресуппозиция — это компонент общих знаний говорящего и слушающего». Между тем совершенно не ясно, каким образом из высказывания «X не успел уехать» могла бы быть выведена пресуппозиция, в соответствии с которой некто препятствовал отъезду X, а из высказывания «Связь работала с перебоями» — пресуппозиция, в соответствии с которой некто препятствовал пользованию сотовой связью. Существуют, скажем так, иные возможные объяснения. Когда эксперт Савосина усматривает здесь утверждение о факте, в соответствии с которым то, что люди не имели возможности уехать, и то, что они не имели возможности пользоваться сотовой связью, является результатом действий Вооруженных Сил РФ, — это типичное вчитывание в текст того, чего в тексте нет. Возможны иные объяснения, и многочисленные иные объяснения. Люди не могли уехать потому, что были отменены рейсы общественного транспорта из Бучи на иные подконтрольные Республике Украине территории. Люди не могли уехать потому, что транспортные средства, которыми они пользовались, получили повреждения в результате боевых действий. Люди не могли воспользоваться услугами сотовой связи потому, что имели место аппаратные проблемы, связанные с повреждением какого-то оборудования, каких-то линий передач, каких-то кабелей и так далее. Это всё — возможные объяснения того, о чем сказано непосредственно в исследуемой видеофонограмме. Каким образом все эти возможные объяснения были исключены, в тексте заключения эксперта Савосиной не сказано вообще ничего. На том основании, что общий контекст обсуждения связан с присутствием в городе Буча российских Вооруженных сил, эксперт делает вывод, что вот эти явления — отсутствие возможности выехать и отсутствие сотовой связи — однозначно являются результатом этого присутствия. Это не пресуппозиция. Пресуппозиция — это обязательная информация, без которой текст понять невозможно. В данном случае возможны другие варианты объяснения того, что сказано в тексте, которые обеспечивают возможность полного понимания текста. Поэтому, к сожалению, здесь вот эксперт Савосина, с моей точки зрения, достаточно грубо ошиблась. Такой пресуппозиции в действительности в цитируемом ею фрагменте нет. Аналогично совершенно обстоят дела с высказыванием «Мертвые тела с открытыми глазами, с завязанными за спиной руками, в подвалах было обнаружено много убитых гражданских, и действительно у многих руки были завязаны за спиной, а в затылках обнаружены пулевые ранения». Речь идет о той картине, которая была предъявлена с украинской стороны вооруженного конфликта после ухода российских войск, в частности, с территории города Буча. Вот все, что перечислено, — на видео это присутствует, в том числе присутствует на тех видео, которые вставлены в качестве

составной части в исследуемую видеофонограмму, даже Би-Би-Си. То есть это действительно было предъявлено украинской стороной мировой общественности, в том числе нам. Соответственно, это достаточно корректно описывает то, что было предъявлено со стороны Украины. И вот здесь очень важный момент состоит в том, что эксперт игнорировала влияние, которое оказывает на смысловую интерпретацию приведенного ею фрагмента непосредственно предшествующий контекст, где говорится: «Но вот после отступления путинских войск контроль над городом вернулся к украинской армии, и буквально сразу же нам показали жуткую картину городских улиц», — после чего непосредственно начинается тот фрагмент, который цитирует эксперт Савосина: «Те, кто не успел уехать, прятались в подвале, связь работала с перебойми...» и так далее, и так далее. Тот фрагмент исследуемой видеофонограммы, где Савосина нашла утверждение о фактах использования Вооруженных Сил РФ, является описательным в отношении информационных материалов, предъявленных украинской стороной после ухода российских войск из города Буча. Это критичное отличие. Это информация о том, какое содержание имели те материалы, которые предъявила украинская сторона. Соответственно, то обстоятельство, что, предъявляя также версию российской стороны, цитируя и пересказывая позицию Министерства обороны, в частности, на которую ориентируется следствие и сравнение с которой следствие поручило Савосиной, поставив перед ней вопрос номер 4, в сюжете, то есть в видеоролике господина Яшина присутствует. Безусловно, Савосина права в том, что господин Яшин фактически солидаризируется с позицией украинской стороны. Он приводит две диаметрально противоположных позиции, одну из которых он подвергает критике. Другую позицию он критике не подвергает. Но здесь надо четко понимать, что слово «позиция»... А Савосина именно последовательно употребляет существительное «позиция», она пишет «точка зрения/позиция», «зрителю предъявлены две точки зрения/позиции»... Так вот, «позиция» — в современном русском языке это, собственно говоря, синоним слова «мнение». У меня в заключении это показано на 26 странице, приведены словарные значения существительного «позиция». Более того, вчера вот в ходе допроса в судебном заседании Савосина эту «позицию» назвала также словом «версия». «Версия» по определению есть предположение, объясняющее некий факт. Соответственно, позиция, версия, точка зрения — все это синонимы слова «мнение». И от того, что одно из мнений подвергается критике, а другое мнение критике не подвергается, никаким образом то мнение, которое критике подвергнуто не было, не превращается в утверждение о фактах, оно остается мнением. Противоположение утверждения о фактах различным формам мнения — в лингвистической экспертизе это традиционное решающее противоположение по многим-многим разным категориям дел, в том числе по этой категории дел. В вопросах, поставленных перед Савосиной, следователь не использует термин «утверждение о фактах». Следователь говорит «утверждение». Но Савосина вводит в текст заключения, считает необходимым ввести в текст заключения термин «утверждение о фактах» и оперирует этим понятием. Не всегда последовательно, но, скажем так, она понимает, она демонстрирует понимание того обстоятельства, что решающим является противоположение «утверждение о фактах — все остальное». В данном случае «позиция» — это все остальное. Позиция — это мнение. Версия — это мнение. Точка зрения — это мнение. Если мы одну точку зрения критикуем, другую не критикуем, у нас та, которая выведена из-под действия критики, не превращается в утверждение о фактах. Она остается мнением, просто это

мнение, вероятно, действительно более близко, в большей степени разделяется говорящим, в данном случае господином Яшиным.

Адвокат Эйсмонт: Скажите, пожалуйста, а вот какие экспертные задачи в принципе по данной категории дел могло бы решить и решает ли какие-то, и если да, то какие, сопоставление фрагмента текста видеовыступления с официальным заявлением, в данном случае Министерства обороны РФ?

Специалист Жарков: Экспертные задачи по данной категории дел у меня в заключении описаны в разделе 2. Это на страницах 11–19. И описаны очень подробно. Дело в том, что в сентябре у нас с психологом Вероникой Валерьевной Константиновой вышла в журнале «Неофилология» статья о типовых экспертных задачах по трем новеллам законодательства, включая статью 207.3 Уголовного Кодекса, но это произошло позже, чем составлялось это заключение — оно закончено 15 сентября, — поэтому не было возможности сослаться на готовый текст, опубликованный в ВАКовском журнале, а, собственно говоря, основное обоснование воспроизведено непосредственно в тексте заключения. Что, исходя из данной категории дел, из дефиниционного анализа и из задачи судебно-экспертной деятельности, определенной в статье второй закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», в обязательном порядке должен сделать эксперт-лингвист, когда к нему попадает экспертиза по делу данной категории. И задачи эти можно сформулировать в данном случае следующим образом. Установление точного смыслового содержания (это страница 19 заключения) продуктов речевой деятельности, в которых выражается распространенная информация; установление соответствия распространенных сведений описанию, выраженному словосочетанием «данные об использовании Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности»; установление соответствия распространенных сведений описанию, выраженному словосочетанием «данные об использовании государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территорий Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности»; установление формы выражения распространенных сведений при решающем противополжении формы утверждения говорящего — автора спорного текста — о фактах, с одной стороны, различным формам выражения мнения, не допускающим возможности проверки выраженных в таких формах сведений на соответствие действительности, и с другой стороны, форме утверждения о фактах со ссылкой на источник сведений, исключающей заведомость для говорящего ложного характера распространяемых им сведений; установление иных специальных лингвистических признаков заведомой для лица, распространившего информацию, ложности распространенной информации, предположительно являющейся недостоверной; установление специальных лингвистических признаков распространения информации, предположительно являющейся ложной, под видом достоверного сообщения или нескольких достоверных сообщений. Вот, собственно говоря, те задачи, которые вытекают просто из природы данной категории дел, где лингвисту должно быть что сказать. Если перед экспертом не поставлены какие-то вопросы, проведя обязательное исследование, он вправе, во всяком случае в уголовном процессе, отразить в заключении выводы об установленных им обстоятельствах, которые, по его мнению, имеют значение для разрешения дела, даже если в их отношении вопросы поставлены не были.

Адвокат Эйсмонт: Скажите, пожалуйста, применимо к исследуемому фрагменту видеозаписи, существуют ли там специальные лингвистические признаки, которые бы говорили о возможной заведомости ложности утверждений, в случае если утверждения будут таковыми признаны, поскольку, если я понимаю, в задачи лингвиста не входит выявление ложности либо истинности высказываний, и если есть такие лингвистические признаки либо признаки, как вы сказали в экспертных задачах, исключающие заведомость, то каковы они применимо к данному фрагменту?

Специалист Жарков: В общем случае установление заведомости ложного характера сведений, безусловно, в полном объеме к компетенции лингвиста не относится. Оно и к компетенции психолога также не относится. Но есть специальные признаки, которые могут иметь значение для такой квалификации, могут и должны иметь значение для такой квалификации. В тексте могут быть противоречия, в тексте могут быть проговорки, когда в одном и том же тексте или в разных текстах, но одного лица... Допустим, человек сообщает, что какая-то информация ему известна, а в другом месте того же текста или другого текста, но более позднего, он отрицает, что ему эта информация известна. Такое противоречие, безусловно, следует трактовать как специальный лингвистический признак заведомости предположительно ложного характера сведений. Мы не знаем, что произошло с человеком. Он мог реально забыть, что-то другое могло произойти, но вот это — признак, который следует по крайней мере принять во внимание. Целый ряд таких признаков существует. В данном случае они не очень актуальны. Есть в то же время признаки, которые исключают заведомость. Лингвист не занимается верификацией сведений. Лингвист не устанавливает, что правда, а что неправда из того, что сообщил в данном случае подсудимый. Но, исходя из предположения, что какая-то распространенная информация является ложной, если она не выражена в форме утверждений о фактах или если утверждения о фактах не являются авторскими, трактовка этой предположительно ложной информации как заведомо ложной исключается, потому что чужие утверждения о фактах для того, кто их транслирует, заведомо ложными... Они могут быть для автора исходного утверждения заведомо ложными сколько угодно, но в данном случае имеет значение, являются ли они заведомо ложными для субъекта распространения информации, то есть в данном случае для подсудимого. Так вот, поскольку в тексте авторских утверждений о фактах соответствующего содержания просто не имеется, можно констатировать, что это исключает трактовку каких-либо сведений как заведомо ложных. Оценить как истинное или ложное можно любое высказывание, оценочное суждение. Вы, я, защита, обвинение, следователь, секретарь судебного заседания независимо друг от друга можем по-разному оценить оценочное суждение как правильное, неправильное, истинное, ложное — это не проверка на соответствие действительности. Заведомо ложной может быть только информация, которая может быть проверена на соответствие действительности и истинностный статус которой (истина/ложь) не зависит от применяемых критериев, от концепции, в рамках которой производится оценка этого истинностного статуса, то есть та информация, которая выражена в форме утверждений о фактах — было/не было в обозначенное время в обозначенном месте, с такими-то субъектами, столько-то длилось. Оценивать высказывание «Основная причина экономического благополучия Российской Федерации в нулевые годы состояла в высоком уровне цен на энергоносители»... Можно сколько угодно оценивать истинность такого высказывания. Но эта оценка будет зависеть от применяемых критериев: что такое

«высокий уровень цен», что такое «невысокий уровень» — это оценочная категория, пороги можно ставить разные. Что такое «основная причина»? Она всегда одна или может быть много причин, из которых ряд является основными, а другие основными не являются? Опять мы можем получить разные результаты верификации в зависимости от критериев, потому что это не утверждение о фактах. Заведомо ложной может быть только информация, выраженная в форме утверждений о фактах.

Адвокат Эйсмонт: Спасибо. Еще такой вопрос, наверное, последний. Скажите, пожалуйста, каковы специальные лингвистические признаки побуждения, либо призыва, либо оправдания насильственных дискриминационных действий, и присутствуют ли они в тексте фрагмента и на видеокусочке фрагмента стрима подсудимого Яшина? В отношении какой-либо группы и вообще в отношении кого это может быть?

Специалист Жарков: Ну, скажем так, эта тема разработана очень полно и системно в минюстовских практиках судебной экспертизы, в методических рекомендациях Российского федерального центра судебных экспертиз при Минюсте 2014 года за авторством Кукушкиной, Сафоновой и Секераж. Там введены 8 диагностических комплексов, в том числе комплексы, о которых вы говорите, связанные с призывом к насильственным действиям, с возбуждением вражды и ненависти. Лингвистических признаков в спорной видеофонограмме нету, во всяком случае. Здесь еще очень важно понимать, что для того, чтобы был значимый вывод, чтобы была совокупность лингвистических и психологических признаков так называемого (это цитата из методических рекомендаций указанных, из методики указанной), так называемого «экстремистского значения» (экстремистское значение «возбуждение вражды и ненависти», экстремистское значение «побуждение к насильственным агрессивным действиям» и так далее), необходимо, чтобы одновременно присутствовала совокупность лингвистических признаков, входящих в один из этих комплексов, и психологических признаков, входящих в тот же комплекс. Только в этом случае можно сделать вывод о том, что присутствует совокупность лингвистических и психологических признаков соответствующего экстремистского значения. В данном случае, поскольку лингвистических признаков там просто близко нет, то вне зависимости от наличия или отсутствия психологических признаков общий вывод будет отрицательный: там нет совокупности признаков, специальных признаков, лингвистических и психологических, о значении которых был вопрос адвоката.

Адвокат Эйсмонт: Спасибо, у меня нет вопросов.

Подсудимый И. В. Яшин: Спасибо большое, у меня буквально несколько вопросов. Я хочу поблагодарить вас за то, что вы нашли время приехать, с большим интересом послушал вашу лекцию, думаю, что всем было полезно послушать, может быть, кроме разве что моего задремавшего конвоя. Но ради Бога, объясните, что такое «пресуппозиция».

Специалист Жарков: В заключении Савосиной определение пресуппозиции, то, которым она пользуется, находится на 5 странице.

Подсудимый Яшин: Вы просто объясните, что это значит слово.

Специалист Жарков: В реальности следовало бы использовать более подробное определение. Пресуппозитивная информация — это та информация, без которой нельзя понять текст. В любом высказывании есть великое множество пресуппозитивной информации. В высказывании «Я сегодня приехал в Москву» есть куча информации, которая никак в высказывании не выражена, но без которой оно просто бессмысленно. Существуют я, существует Москва, мы живем в физическом

мире, где осуществляется перемещение, формой перемещения является движение, существуют населенные пункты, у населенных пунктов есть границы, без пересечения границы населенного пункта нельзя в населенный пункт въехать и так далее. Это все пресуппозитивная информация, она там есть, она обязательная. Без нее, если бы этого не было, нельзя понять высказывание. Но если ее можно чем-то заменить и понять высказывание чуть-чуть по-другому, совсем по-другому, это не пресуппозитивная информация, это, извините, домыслы. Это субъективное восприятие. Один человек часто говорит другому человеку что-то недостаточно конкретное, тот пропускает эту информацию через призму своего восприятия, приписывает ей некий смысл, которого там не было. К сожалению, иногда такое и с экспертами происходит, вот я сегодня об этом говорил.

Подсудимый Яшин: Как говорят у нас в бутырской тюрьме, «ясность полная». Хочу еще уточнить просто для понимания суда и для моего личного понимания, из вашего высказывания, как мне показалось, следует примерно следующее: эксперт Савосина в качестве фразы, которая якобы свидетельствует о том, что я утверждаю недостоверные сведения о пользовании Вооруженных Сил и так далее, приводит фразу, произнесенную мной в прямом эфире, без начальной цитаты. То есть, если я правильно понял, подтвердите или опровергните мое понимание, эта анализируемая фраза по сути вырвана из контекста, можно так сказать?

Специалист Жарков: Ну ровно об этом я говорил, да, это можно назвать вырыванием из контекста. При интерпретации как раз тех высказываний, в которых Савосина обнаружила утверждение о фактах, она не учла предыдущий контекст, который сами эти высказывания делает частью описания содержания информационных материалов, предъявленных украинской стороной после ухода российских частей из города Буча.

Подсудимый Яшин: Да. Как вы до этого заметили, у нас тут развернулся по сути такой филологический спор с представителям государственного обвинения, правда, цена этого спора достаточно высока — от 5 до 10 лет общего режима — но вот для понимания, опять же, суда мы сегодня посмотрели видео, в котором приводится оспариваемый, так сказать, изучаемый отрезок моего прямого эфира, я сам освежил в памяти, вы недавно, я так понимаю, посмотрели. Вот я обратил внимание, что в ходе прямого эфира я достаточно часто употребляю такие фразы, как «можно предположить», «это выглядит как», «хочу сохранить объективность», «давайте изучим аргументацию обеих сторон». С точки зрения представителей государственного обвинения, как я его понял, из того, что я сказал, свидетельство обвинения говорило, что «Яшин как бы намекает на геноцид со стороны российских войск», это дословная цитата, и представители государственного обвинения тоже указывают на то, что, может быть, Яшин прямо этого не говорит, но как бы вот он создает у зрителя ощущение того, что это было так. Я же со своей стороны указывал на то, что данные фразеологические обороты свидетельствуют о том, что я не могу и не берусь достоверно утверждать тот или иной факт, а лишь хочу разобраться в случившемся и докопаться до правды. Вот с вашей точки зрения как эксперта, кто в нашей увлекательной дискуссии прав?

Государственный обвинитель: Прошу снять этот вопрос, он построен некорректно, в этом случае Яшин сам сейчас вырывает собственные слова из контекста, то есть он приводит часть слов, которые действительно в тексте исследуемом присутствуют, вместе с тем он совершенно игнорирует все свои дальнейшие слова, где дает негативные характеристики как государственным органам Российской Федерации,

так и конкретным лицам, то есть в данном случае журналистам «Комсомольской Правды», и, соответственно, противопоставляет им, называя их точку зрения ложными, слова СМИ Украины и Великобритании, таким образом указывая, что как будто бы они истинны. В данном случае вопрос Яшина построен совершенно некорректно, и цитирование видео выборочно. Потому что в компетенцию специалиста не может входить оценка, это прерогатива суда.

Подсудимый Яшин: Я попробую переформулировать, с вашего позволения. Правильно ли я понимаю, что фразы вот эти вроде «можно предположить» и «выглядит как» свидетельствуют о том, что утверждаемые факты не преподносятся как достоверные сведения, вот с вашей точки зрения как эксперта?

Специалист Жарков: То, что вы перечислили, собственно говоря, называется в лингвистической экспертизе «маркеры мнения», иногда их более подробно классифицируют: есть маркеры предположительности, маркеры субъективного оценочного суждения и так далее. Поскольку решающим является противопоставление «утверждение о фактах — все остальное», то целесообразно их объединить в единую гиперкатегорию «маркеры мнения». И да, маркеры мнения — это то, что представляет читателю информацию, которая содержится в высказывании, не в форме утверждения о фактах, следовательно, не в форме, соответствующей сообщению того, что говорящий выдает за свое твердое знание, а в форме предположения, или оценки, или субъективного вывода, основанного на иногда раскрытых критериях и логике, иногда не раскрытых критериях и логике, или обобщения, которое... опять же можно разные явления обобщать, в зависимости от того, какие признаки в основу этого обобщения будут положены. Это всё — разновидности мнения. И, скажем так, сформировать у читателя, зрителя, слушателя какое-то впечатление, в частности, о том, что одна сторона права, более права, чем другая, или там одна сторона права, а другая не права — для этого не обязательны даже утверждения о фактах. Но из того, что есть какие-то, допустим, продукты речевой деятельности, которые предположительно могут привести к формированию у кого-то такого впечатления, — из этого не следует, что этот эффект, предположительный, но тем не менее он будет достигнут определенно с помощью утверждений о фактах. Оценки могут быть столь же убедительны, яркая, образная речь может быть столь же убедительна, рассуждения могут быть столь же убедительны. Это не показатель того, что перед нами фактологическая информация. Это информация других типов. Но у кого-то такое впечатление сформироваться может. Восприятие всегда субъективно. Брейвик прочитал Библию, и, в общем, все помнят, чем это кончилось. Так он воспринял этот текст. Собственно говоря, то, что у кого-то может сформироваться некое субъективное представление в результате ознакомления с неким текстом, из этого не следует, что в этом тексте непременно есть какие-то утверждения о фактах, которые приводят к формированию такого представления.

Подсудимый Яшин: Все понятно, спасибо. У меня... Последний вопрос возник у меня. Мы вчера заслушали эксперта Савосину, которая представилась как независимый эксперт, но в ходе допроса выяснилось, что она коллега прокурора, офицер юстиции. Но вы хоть погон не носите?

Специалист Жарков: Я погон не ношу, не носил.

Подсудимый Яшин: Спасибо.

Специалист Жарков: Я сотрудничал одно время с Северо-Западным региональным центром судебных экспертиз Министерства Юстиций у нас в Санкт-Петербурге, но в

качестве внештатного эксперта, ну кроме того там, собственно, в системе Минюста погонями автоматически, ну сейчас не знаю, времена меняются, но раньше не наделали.

Подсудимый Яшин: Вот это, уважаемый прокурор, называется независимый эксперт. Спасибо большое.

Государственный обвинитель: Сейчас я свой вопрос задам на эту тему, преподнесу его с другой стороны.

Председательствующая — судья О. И. Горюнова: У защиты еще вопросы будут?

Защитники: Нет.

Председательствующая: Господин обвинитель, вопросы будут?

Государственный обвинитель: Ну раз уж такой последний вопрос прозвучал, я, пожалуй, с него начну. Скажите, а ваша организация где вы работаете, является государственной?

Специалист Жарков: Это общественная организация.

Государственный обвинитель: Общественная. Скажите, вы выполняете заказы на коммерческой основе? Оплачивает ли заказчик работу?

Специалист Жарков: Общественная организация по определению коммерческой не является. В данном случае я выступал вообще как физическое лицо.

Государственный обвинитель: Физическое лицо... Скажите, ваша работа оплачивается?

Специалист Жарков: Я могу ответить на это словами Елены Игоревны Галяшиной, пионера лингвистической экспертизы.

Председательствующая: Вы ответьте как есть.

Государственный обвинитель: Вы ответьте своими словами.

Специалист Жарков: Рабский труд в Российской Федерации отменен.

Председательствующая: Оплачивается.

Государственный обвинитель: Ну, соответственно, оплачивается.

Защитник — адвокат В. Ю. Прохоров: А вчерашний бесплатно работал.

Государственный обвинитель: Скажите, на что направлен такой вот... Вернемся к экспертизе и к, собственно говоря, к тексту. Скажите, на что направлен прием, когда приводится две точки зрения, но одна из них сразу же, заведомо выдается как ложная, на нее направлена, значит, я бы даже не назвал это критикой, потому что там ее просто по сути дела прямо оскорбляют, высказываются в негативном ключе, и что сразу говорят, что ей нельзя верить, даже не попытавшись вникнуть в суть. А вторая вот приводится «смотрите, вот, как бы доказательства». На что направлен такой прием? И о чем он утверждает.

Специалист Жарков: Чтобы в полном объеме понять вопрос, я хотел бы понять, какая из сторон подверглась оскорблениям.

Государственный обвинитель: Сторона Российской Федерации, то есть, там прямо называют, опять же, наши источники информации пропагандой. При этом, противоположная сторона пропагандой не называется. Там это преподносится как доказательство утверждений Яшина. То есть вот он утверждает что-то, потом говорит «вот посмотрите фрагмент, там, «Би-Би-Си» или украинского ТВ.

Подсудимый Яшин: Уважаемый суд, я прошу снять вопрос, потому что слово «пропагандист» по правилам русского языка не является оскорбительным. Я не оскорблял Российскую Федерацию, как утверждает прокурор.

Государственный обвинитель: В контексте там употребляется «так называемый журналист», там пропаганда называется не просто пропагандой, а «тупой пропагандой».

Подсудимый Яшин: «Тупая» в смысле «примитивная» пропаганда. Это не оскорбление. «Тупая» в смысле «примитивная». Я же говорю, у нас филологический спор здесь.

Государственный обвинитель: Если вопрос не снят, то прошу ответить.

Специалист Жарков: Ну вот мы опять упираемся в оскорбление, да? Я достаточно много писал экспертиз, достаточно продуктивно сотрудничал в частности со службой дознания службы приставов по 297-й Уголовного Кодекса. Я писал экспертизы и по оскорблениям в иных составах...

Государственный обвинитель: Я вас спрашиваю не оскорбление с точки зрения состава преступления, я вас спрашиваю, когда приводится две точки зрения, но в отношении одной из них ее подкрепляют как бы своим утверждением вот их материалами, а в отношении другой сразу высказываются о том, что это заведомо ложно и ей нельзя верить.

Председательствующая: Применительно, да, к конкретно нашему уголовному делу. Мы вчера послушали мнение одного эксперта, хотелось бы послушать ваше мнение тоже как эксперта.

Специалист Жарков: На этот вопрос без оскорбления... без компонента оскорбления я, собственно отвечал. То есть у нас действительно наблюдается ситуация, когда представлено две позиции, одна из которых подвергается жесткой критике. Другая из них не критикуется. Это никак не влияет на форму выражения информации. Позиция остается позицией. От того, что господин Яшин присоединился, скажем, к позиции «Би-Би-Си»... если присоединился (это, в принципе, может быть отдельным предметом исследования)... позиция «Би-Би-Си» не превратилась из позиции, то бишь мнения, в утверждение о фактах.

Председательствующая: И наоборот.

Специалист Жарков: И наоборот, да.

Государственный обвинитель: То есть вы считаете, что когда они публикуют материалы с утверждениями, что наши войска осуществляют убийство мирных жителей города Буча, они ничего не утверждают, да? То есть их материал — не утверждение?

Специалист Жарков: Они — это кто?

Государственный обвинитель: Яшин, ВВС и все остальные, кто распространяет подобные утверждения. В данном случае это одна сторона.

Председательствующая: Снят вопрос.

Государственный обвинитель: А вот вы говорили про заведомость. Скажите, получается, по вашему утверждению, заведомо ложная информация может быть только у первоисточника, но не у того, кто его цитирует? Если я правильно понял то, что вы до этого говорили.

Специалист Жарков: Смотрите. Если вы, я, подсудимый, кто угодно транслирует чужие утверждения о фактах, не сообщая о том, что он это со своей стороны подтверждает, он это точно знает, он это видел, он тоже был очевидцем, собственно говоря, это значит, что он принял с доверием информацию, поступившую от того источника, который он цитирует.

Председательствующая: То есть она для него заведомо ложной не является.

Специалист Жарков: Она для него заведомо ложной быть не может.

Государственный обвинитель: А как же быть с требованиями закона «Об информации»?

Специалист Жарков: Я когда-то читал закон «Об информации, информатизации и защите информации», он довольно большой, там достаточно много разных требований...

Государственный обвинитель: Соответственно, там надо, общий смысл был того, что нельзя распространять что попало.

(Общий смех.)

Специалист Жарков: Я не помню такой нормы.

Государственный обвинитель: Ну ладно, с этим даже я согласен.

Председательствующая: Вопрос снимается.

Государственный обвинитель: Это не к вам вопросы, это вот мы до Яшина доберемся. У меня нет вопросов.

Председательствующая: Спасибо, что явились. Можете быть свободны. Если интересно, можете присесть, послушать: у нас открытое судебное заседание.